

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ
ЖИЗНИ СЪВЕРНАГО КРАЯ
„ИЗВЪСТІЯ.
Архангельскаго Общества
изученія Русскаго Севера“.

1914 г. № 18-й. 15 Октября.

Историческая сессія законодатель-
ныхъ палатъ.

Окончаніе. См. № 17 „Извѣстій“ за т. г.

Въ Государственномъ Совѣтѣ.

26 іюля.

Историческое засѣданіе Государственного Совѣта 26 іюля происходило при исключительно торжественной обстановкѣ. Такого оживленія еще никогда не было въ Маринскомъ дворцѣ.

Первыми въ залѣ появились предсѣдатель совѣта министровъ И. Л. Горемыкинъ и нѣкоторые министры. Затѣмъ залъ сталъ быстро наполняться членами Государственного Совѣта. Почти въ полномъ сборѣ оказались члены группы центра. Довольно многолюдно и на скамьяхъ правыхъ.

Всего присутствовало около 120 членовъ Государственного Совѣта.

Въ ложѣ правительства весь совѣтъ министровъ. Въ депутатской ложѣ много членовъ Государственной Думы разныхъ фракцій. Переполнена и ложа для публики. Среди чиновъ государственной канцеляріи и членовъ дипломатическаго корпуса разиѣстились и нѣкоторые неприсутствующие члены Государственного Совѣта.

Нѣкоторые члены Государственного Совѣта—генералы—появились въ залѣ засѣданія въ парадной походной формѣ.

Въ 9 час. 10 мин. вечера въ Кругломъ залѣ былъ отслуженъ молебенъ, послѣ чего и. о. предсѣдателя Н. Я. Голубевъ занялъ предсѣдательское мѣсто и предложилъ государственному секретарю огласить Высочайшій указъ объ открытіи сессіи.

Затѣмъ И. Я. Голубевъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Согласно прочитанному указу, возобновляются занятія Государственного Совѣта. Вознеся горячія молитвы за возлюбленнаго Великаго Государа нашего и за дорогое отечество, начнемъ засѣданіе засвидѣтельствованіемъ нашихъ вѣрноподанническихъ чувствъ. Да здравствуетъ Его Императорское Величество“ (Возгласы: „ура“).

Послѣ исполненія гимна И. Я. Голубевъ продолжаетъ: „Государственный Совѣтъ совмѣстно съ Государственной Думой были удостоены Высочайшаго приѣма въ Зимнемъ дворцѣ. Мы выслушали Все-

милостивѣйшій призывъ Государя Императора къ единенію съ Нимъ въ защитѣ чести и достоинства дорогаго отечества и къ борьбѣ за братьевъ-славянъ. Россія всегда черпала силы и крѣпость въ непрерывномъ единеніи со своимъ Царемъ. При наступившемъ тяжеломъ испытаніи это единеніе углубляетъ мощь Россіи. Война объявлена не одной Россіи: совмѣстно съ ней находятся ея союзники.

Въ начавшейся войнѣ къ нашимъ дорогимъ соратникамъ — единоплеменнымъ Сербіи и Черногоріи, союзной Франціи, дружественной Англійи и мужественно защищающей свои земли Бельгіи мы обращаемся съ душевнымъ привѣтомъ, съ сердечнымъ пожеланіемъ успѣха въ борьбѣ и побѣды надъ общимъ нашимъ врагомъ.

Считаю себя вправе отъ имени Государственнаго Совѣта удостоверить его готовность на все жертвы для защиты Россіи противъ ослѣпившихся на нее праговъ*.

Слово предоставляется предѣдателью совѣта министровъ Н. Л. Горемыкину, который повторяетъ съ нѣкоторыми лишь незначительными измѣненіями ту рѣчь, которую онъ произнесъ въ Государственной Думѣ.

Н. Л. Горемыкина на кафедрѣ смѣняетъ архіепископъ Арсеній.

— Съ чувствомъ благоговѣнія, говоритъ высокопреосвященный, выслушали мы сегодня слова Державнаго Вождя нашего, обращенныя къ представителямъ русскаго народа, а въ лицѣ ихъ ко всей Россіи по поводу возникшей войны съ нашими западными зарубежными соседями: „Великъ Богъ земли Русской, съ нами Богъ“, изрекъ Государь.

Этотъ призывной гласъ вѣры Печальника земли Русской не разъ спасалъ наше отечество въ годы постигавшихъ его несчастій. Подъ священной хоругвью этой вѣры наше отечество утверждалось и укрѣплялось, и этотъ призывъ всегда оправдывался правдою Божьей. Судьбы царствъ и городовъ въ рукахъ Божіихъ.

Но мы, взирая на прошедшія судьбы нашего отечества, вѣримъ, что Господь съ нами и будетъ съ нами въ этой войнѣ. На эту войну нужно смотрѣть, какъ на священный крестовый походъ. Есть войны, освященныя свыше, каковой и является война настоящая. Мы призваны защищать правдѣовское достоинствѣ, честь и достоинствѣ нашей родины и мы вѣримъ, что Господь поможетъ намъ въ этой борьбѣ, ибо въ этомъ спорѣ мы правы. Мы заступаемся за слабыхъ и угнетенныхъ нашихъ единоплеменныхъ братьевъ, за которыхъ некому заступиться. Мы стоимъ передъ лицомъ событіи огромной міровой важности. Съ горячимъ вѣрой встрѣтимъ этотъ роковой моментъ. Соберемъ все вмѣстѣ, сосредоточимся въ себя.

Послѣ этой рѣчи члены Государственнаго Совѣта произнесли: „Спаси, Господи, люди Твоя“.

Слѣдующую рѣчь произнесъ затѣмъ кн. А. Д. Голицынъ-Муравлинъ.

— Сегодня, въ свѣтѣ помозаній Господни, началъ ораторъ, и въ сосредоточеніи молитвы всей русскаго земли, Великій Государь обратился къ намъ со словомъ, которое озарило не только намъ, но и всей Россіи переживаемые нами историческіе дни. Мы знаемъ, мы чувствуемъ, что вся единая и нераздѣльная чувствуется то, что чувствуемъ, мы. Царено слово прозвучало, и въ этомъ словѣ прозвучала вся Русь. Солнце единого вдохновенія озарило все наши сердца. Не зловѣщъ некогдахнула вся Русь, но жажда захвата и разрушенія обуреваетъ ее. Мы вѣтаемъ на защиту родного очага и на защиту родныхъ братьевъ. Мы вызваны на бой обезумѣвшимъ врагомъ. Мы въ единеніи съ

могущественными, благородными союзниками ведемъ войну противъ злого духа войны, противъ духа злобы и гордыни. Все населеніе Россіи объединено. Великое обрусеніе завершено. Всѣ объединились. Все населеніе, безъ различія народностей и вѣроисповѣданій. Цареву слово прозвучало, и мы всѣ вмѣстѣ. Теперь у насъ одно стремленіе, одна душа. Да поможетъ Богъ російскому правительству въ его службѣ Царю и родинѣ.

Великъ Богъ земли Русской,—сказалъ Государь. Великъ Государь земли Русской,—добавимъ мы, ибо Онъ душой своей объединяетъ всѣхъ насъ, и мы всѣ слагаемъ всѣ свои души у Его Престола.

Всѣ вѣроподданные, отражая врага, проложить путь къ великому духовному строительству правды и добра. Побѣда будетъ наша съ Царемъ и за Царя. Можетъ быть, путь къ побѣдѣ окажется труднымъ, но этотъ путь будетъ пройденъ до конца.

Такъ возвѣстиво Цареву слово, такъ и будетъ!

А. В. Нейдгардтъ началъ свою рѣчь такъ:

— Свершилось... свершилось то, чего всѣ ждали, и что все-таки поразило всѣхъ своей неожиданностью. Русь съ величавымъ спокойствіемъ приняла брошенный ей дерзкій вызовъ и поднялась святая Русь, стальной щетиною сверкая. Но не только блескомъ стали ослѣпить она дерзкаго врага. Она ослѣпить его блескомъ своего внутренняго единенія. Стерлись преграды, смолкло все разъединяющее отдѣльныя группы населенія. Встала Русь единая предъ лицомъ врага. Ослѣпила Русь врага и блескомъ того неожиданнаго содружества, явнаго содружества великихъ народовъ, идущихъ съ нею плечомъ къ плечу. Каждый русскій, ослѣпши себя крестнымъ знаменіемъ, изъ облегченной груди повторитъ за Царемъ Его святые слова: съ нами Богъ!

Крикми „браво“ была покрыта краткая рѣчь, произнесенная проф. Д. Д. Гриммомъ.

— Въ настоящій историческій моментъ,—началъ Д. Д.,—когда вся страна слилась въ единомъ порывѣ, объединяющемъ чувства, мысли и волю всѣхъ, Его Императорскому Величеству благоугодно было созвать Государственный Совѣтъ и Государственную Думу на чрезвычайную сессію, дабы быть въ полномъ единеніи со своимъ народомъ. И какъ не быть этому единенію, когда приходится защищать самое святое для насъ, нашу національную честь и достоинство, неизблемость и неирриковенность государственной территоріи противъ врага, дерзостно вызывающаго насъ на борьбу.

Нѣтъ словъ, чтобы выразить все то, что подымается изъ самой глубины народнаго духа, что заставляетъ всѣхъ насъ чувствовать себя частями одного великаго цѣлаго, сознавать, что намъ всѣмъ одинаково нужна и дорога единая великая Россія.

Въ этотъ моментъ нѣтъ и быть не можетъ никакихъ разногласій. Преклоняясь передъ нашими воинами, которые съ великимъ самоотверженіемъ и великимъ сознаниемъ общаго національнаго долга безрешительно идутъ на войну, мы обращаемъ наши взоры на Верховнаго Вождя нашей русской арміи и флота, на нашего Монарха, который въ Своей Священной Особѣ олицетворяетъ единство, мощь и славу нашего отечества. Въ глубокой вѣрѣ—въ конечное торжество русскаго оружія, призваннаго на защиту нашихъ братьевъ-славянъ и униженныхъ нашими врагами права и справедливости.

Да исполнятся Всевышній побѣду нашему храброму воинству и воинству нашихъ доблестныхъ союзниковъ.

Послѣ рѣчи слѣдующаго оратора, представителя польскаго коло, А. Э. Мейштовича, залъ Маринскаго дворца впервые огласился аплодисментами.

А. Э. Мейштовичъ сказалъ слѣдующее:

Жертвы, которыя принесетъ польскій народъ въ предстоящей войнѣ, особенно велики не только потому, что Польша суждено быть театромъ военныхъ дѣйствій, но и потому, что разъединенному между тремя государствами польскому народу придется нынѣ сражаться въ рядахъ враждующихъ армій. Поляки исполняютъ свои государственныя обязанности безупречно. Они ихъ исполняютъ и нынѣ. Поляки пойдутъ въ бой, руководствуясь не однимъ лишь чувствомъ исполненія долга. Они идутъ дать отпоръ прусскому Drang nach Osten. Кровь ихъ пойдетъ за правое дѣло. Я буду надеяться, что польется она и за прекращеніе вѣкового русско-польскаго спора и за прочное навсегда русско-польское согласіе.

Аплодисментами покрыта была и рѣчь представителя Прибалтійскаго края бар. Пиларъ фонъ-Пильхау.

Какъ и Царство Польское,—говоритъ ораторъ,—нашъ Прибалтійскій край, быть можетъ, въ первые часы долженъ будетъ выдержать натискъ врага. Какъ въ истекшія два столѣтія, такъ и въ настоящую минуту Прибалтійскій край непоколебимо поддерживаетъ и будетъ поддерживать русскую государственность. Всѣ наши мысли, всѣ наши чувства, всѣ наши лучшія пожеланія относятся къ нашей доблестной арміи и ея Вѣщенному Вождю.

Отъ имени группы членовъ Гос. Совѣта разныхъ фракцій П. М. фонъ-Кауфманъ предложилъ слѣдующую формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ:

„Вѣроломствомъ и злобою враговъ нашихъ Россія вызвана на смертный бой, грозящій потрясти въ основаніи благосостояніе европейскихъ народовъ, остановить на долгое время ихъ мирное развитіе и нарушить политическое равновѣсіе во всей вселенной.

Но сильная сознаніемъ правоты своей въ единеніи съ доблестными своими союзниками, Россія спокойно и безропотно принимаетъ посланное ей Всевышнимъ испытаніе и вѣрять, что жертвы ея Богу угодны для торжества правды и мира всего міра.

Отечеству нашему не впервые ополчаться за угнетенныхъ и преслѣдуемыхъ, не впервые защищать свои святыни и очаги отъ дерзостныхъ посягательствъ ослѣпленнаго жаждой захвата и господства врага. Пережила Россія не одно апохействье, но и израненная, она всегда выходила изъ боя одухотворенною новою силою и могуществомъ. И нынѣ Русскій Царь, предвозвѣстникъ всеобщаго мира, въ единеніи со всѣми вѣрными подданными—та несокрушимая твердыня, о которую разобьется бѣшеная волна насильниковъ права и закона. Съ упованіемъ на милость Господню, Государственный Совѣтъ переходитъ къ очереднымъ дѣламъ“.

Формула единогласно принимается.

Безъ преній принимаются затѣмъ тѣ законопроекты, которые днемъ были приняты Государственною Думой.

Въ заключеніе В. И. Карповъ дѣлаетъ слѣдующее вѣбочередное заявленіе.

Прежде чѣмъ закроется засѣданіе чрезвычайной сессіи, мы чувствуемъ потребность передать черезъ военнаго министра и морскаго нашей доблестной арміи и флоту увѣренность въ томъ, что эта армія

я флотъ въ теперешнемъ ихъ составѣ являются преемниками всѣхъ тѣхъ подвиговъ, которые всегда совершали русская армія и флотъ, и просимъ передать арміи отъ Государственнаго Совѣта увѣреніе, что о семьяхъ, которыя оставлены здѣсь, будетъ заботиться и государство и общество.

И. Я. Голубевъ. Угодно ли принять это предложеніе?

Голоса: Просимъ, просимъ.

Государственный секретарь читаетъ именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату о прекращеніи занятій Гос. Совѣта до 1 февраля 1915 г.

Залъ засѣданія оглашается кликами „ура“.

Послѣ исполненія гимна И. Я. Голубевъ объявляетъ засѣданіе закрытымъ.

Яренское земство и нефть на Ухтѣ.

Путевыя замѣтки особію совѣщанія Яренскаго уезднаго земства при поездкѣ въ мартъ мѣсяцъ 1914 года на Ухту.

I.

Окончаніе. См. № 17 „Павѣстей“ за т. г.

Если же ограничиться буреніемъ ухтенскихъ скважинъ при дешевомъ канатномъ способѣ буренія только до глубины 40 саж., то и въ такомъ случаѣ Ухта представляетъ изъ себя громадную цѣнность. О запасахъ нефти до глубины 40 саж. г. Стукачевъ приводитъ слѣдующія цифры: каждая квадратная сажень поверхности земли отвѣчаетъ въ недрахъ хранящихся 330 пуд. нефти, считая, что изъ этого количества можетъ быть извлечено хотя лишь 15 или 50 пуд. (по мнѣнію инженера Гансберга); предположеніе крайне осторожное, и то съ одной десятины получится $(50 \times 2100) = 120$ тыс. пуд., а съ одного нормальнаго отвода въ 10 десятинъ это составляетъ 1,200 тыс. пуд., что при цѣнахъ на нефть по 30 коп. за пудъ на мѣстѣ добычи составитъ цѣнность каждаго нормальнаго отвода въ 10 десятинъ $(30 - 1.200.000) = 360$ тыс. руб. Данныхъ, добытыхъ инженеромъ Стукачевымъ о второй скважинѣ, къ величайшему сожалѣнію, въ настоящее время совѣщаніе не имѣетъ. Что же касается казенной скважины № 4, то такая была заложена въ 11 вер. отъ скважины № 3 и на глубинѣ 70 саж., встрѣтивъ признаки нефти и выдѣленіе газовъ, обѣщала дать еще болѣе серьезные результаты, чѣмъ скважина № 3. Приходится очень сожалѣть, что горнымъ департаментомъ глубина скважины назначена только до 80 саж. Было бы весьма желательно буреніе до 250—350 с. Эта мѣра, несомнѣнно, дала бы значительно больше шансовъ на успѣхъ выясненія дѣйствительнаго, а не предполагаемаго количества нефти на Ухтѣ. А пока этого нѣтъ, пока скважины не достигаютъ указанной, желаемой глубины, до тѣхъ поръ нельзя сказать окончательно и о силѣ ухтенскихъ нефтеносныхъ залежей. Но, во всякомъ случаѣ, тѣ, приведенныя выше, данныя о размѣрахъ нефти, которая добыта на сравнительно небольшой глубинѣ, въ высшей степени цѣнны-утѣшительныя и отнюдь не говорятъ, чтобы отъ Ухты вовсе слѣдовало бы отказаться.

Все сказанное объ Ухтѣ и ея окрестностяхъ свидѣтельствуетъ о томъ, что Ухта представляетъ изъ себя весьма крупную цѣнность,

имѣющую важное государственное значеніе. Но, къ сожалѣнію, работы казны здѣсь были произведены не съ развѣдочною, а лишь только съ показательною цѣлью для привлеченія частныхъ капиталовъ по эксплуатаціи нефти, и работы эти оставлены на полпути. Доведи казна хотя бы одну скважину до 350—400 саж. глубины, тогда бы получилось совершенно другое мнѣніе объ Ухтѣ, вообще, и ея богатствахъ, въ частности.

Нефтяныя мѣсторожденія на Ухтѣ извѣстны еще со временъ царствованія Іоанна Грознаго, а въ царствованіе Императора Петра Великаго нефть уже добывалась кунцомъ Пабатовымъ примитивнымъ способомъ—ямами, изъ которыхъ извлекали до 4000 пудовъ въ годъ. Изъ добываемой нефти Пабатовъ вырабатывалъ до 1000 пуд. керосина, который отпращивался въ гор. Москву. По смерти Пабатова заводъ停止, и добыча нефти сама собою прекратилась.

Задачи казны въ это время были выполнены въ весьма слабой степени: были приняты мѣры для обнаруженія нефти, лежащей въ верхнихъ слояхъ почвы, что было извѣстно и безъ того по естественнымъ ея выходамъ. Казна, объявивъ для частной промышленности и привлеченія частныхъ капиталовъ ухтинскій районъ завѣдомо нефтеноснымъ и открытымъ, упустила совершенно изъ виду объ одномъ весьма существеннѣйшемъ фактѣ первостепенной важности, а именно, о проведеніи на Ухту грунтовой дороги, которая необходима не для выхода, какъ многие ошибочно полагаютъ, ухтинской нефти на російскій и міровой рынки, а лишь для облегченія сообщенія и сношенія Ухты съ культурнымъ міромъ Россіи и Европой предпринимателей, работающихъ на Ухтѣ. Нефть, какъ вода, сама себѣ путь найдетъ. Нефть пойдетъ отсюда не по грунтовой дорогѣ, а по нефтепроводу. По грунтовой же дорогѣ до рѣки Тобысь, въ разстояніи 44 вер., будетъ перевозиться только нефть, добываемая кустарнымъ способомъ до развитія Ухты въ промышленный районъ. Дорога же нужна для передвиженія людей и грузовъ, для сообщенія и сношенія Ухты съ водными и желѣзно-дорожными путями и для доставки туда тяжеловѣсныхъ машинъ и предметовъ первой необходимости, какъ, напр.: муки, мяса, соли, крупы и т. п., ибо слишкомъ странно было бы думать привлечь частную промышленность туда, куда съ большимъ трудомъ два—три раза въ лѣто можно добраться въ лодкахъ по рѣчкамъ. Какъ можно привлечь частныхъ промышленниковъ, когда машины изъ Англіи попадаютъ на Ухту на второе и третье лѣто послѣ ихъ отпращиванія съ мѣста. Вотъ въ этомъ то и нужно усматривать самый главный тормазъ выхода на свѣтъ ухтинской нефти. Если Россіи нужна ухтинская нефть, а это не подлежитъ никакому сомнѣнію, то прежде всего Ухтѣ нужна дорога.

Время дорого. Нефти мало, а все развивающаяся промышленность и растущія съ каждымъ годомъ государственныя нужды требуютъ нефти все большее и большее количество. Нефте-промышленные синдикаты умышленно вздуваютъ на нефть цѣны. А нефть—это сила экономическая. Сила, способная двинуть всю торговлю, промышленность, пароходство, воздухоплаваніе, желѣзныя дороги, грунтоваыя дороги посредствомъ автомобилей и аэросапей, нефть—это будущій хлѣбъ милліоновъ трудящихся людей Россіи. Какъ же оставить Ухту безъ дороги къ ней.

Педалеко отъ казенной № 1 скважины, въ самомъ носкѣ полуострова-чулка р. Ухты, близъ впаденія въ Ухту рѣки „Половинъ-

Доль", расположенъ поселокъ старѣйшаго пионера послѣдняго времени, инженера Александра Георгіевича Гансберга, куда совѣщаніе и отправилось. Погода стала разгуливаться. Пройдя это небольшое разстояніе пешкомъ, въ 10 час. утра совѣщаніе было уже въ квартирѣ г. Гансберга. Исторія работы инженера А. Г. Гансберга не нова и достаточно известна широкой публикѣ, но все же не безынтересно сказать о немъ нѣсколько словъ.

А. Г. Гансбергъ человекъ желѣзной воли, горячо убѣжденный въ колоссальныя залежахъ нефти на Ухтѣ, что не разъ доказывалъ документальными данными. Онъ провель на Ухтѣ болѣе 15 лѣтъ, а всего на Сѣверѣ 18 лѣтъ, затративъ на это дѣло болше 200 тыс. руб. Теперь же, на склоне лѣтъ своей жизни, несмотря на преслѣдующія его неудачи, онъ твердо, однако, вѣрить въ то, что въ ближайшемъ будущемъ Ухта и Печорскій край произведутъ крупный переворотъ въ нашей экономической и промышленной жизни. Онъ глубоко убѣжденъ, что теперь на Ухту не заростетъ народная тропка, и уже никакой Побель (по газетнымъ свѣдѣніямъ) не заткнетъ на Ухтѣ фонтана нефти, онъ вѣрить въ то, что скоро, очень скоро придетъ тотъ сказочный богатырь, который подниметъ, встряхнетъ отъ столь продолжительнаго сна печальныя богатства Тиманскаго крижа, обогатитъ ближайшее къ Ухтѣ населеніе и дастъ для всей Сѣверной Россіи дешевую нефть.

Черезъ нѣкоторое время послѣ дѣловыхъ разговоровъ, въ сопровожденіи любезнаго хозяина, совѣщаніе вышло осматривать „Варваринскій Промыселъ Т-ва Гансбергъ, Корниловъ и Ко". Во время выхода совѣщанія на дворъ поселка тучи разсѣлились, выглянуло солнце и ярко озарило поселокъ и прилегающую къ нему мѣстность, освѣтивъ и виднѣющуюся вдаль казенную скважину № 1. Подходя къ вышкѣ, г. Гансбергъ проситъ совѣщаніе не зажигать вблизи спичекъ. Въ настоящее время на этомъ промыслѣ за недостаткомъ средствъ работы не производятся. Когда подходили къ вышкѣ, то, несмотря на отсутствіе работъ, сильно пахло нефтью. Войдя на вышку, совѣщаніе увидѣло, что все помѣщеніе вышки занято машинами и механическими приспособленіями для буренія, и подъ буровымъ инструментомъ пробита скважина, въ которую вставлена 14-ти дюймовая труба. Глубина этой скважины, по словамъ А. Г. Гансберга, въ 1908 году доведена до 51,5 саж., а въ настоящее время—до 56 саж. Буреніе вмѣстѣ съ трубами обошлось товариществу въ 26 тыс. руб. Весь полъ въ вышкѣ залитъ нефтью, которая къ приходу совѣщанія хотя и была убрана, но слѣды ея носили яркій отпечатокъ. Нефть приставала къ сапогамъ и галошамъ. Намъ предупредили, что она разрушающимъ образомъ дѣйствуетъ на резину вообще.

Во время посѣщенія совѣщаніемъ вышки, нефть, пѣнясь, выходила изъ земли по наружной сторонѣ трубы и стекала по желобу въ приготовленный для нея чанъ. По словамъ г. Гансберга, нефть вышираетъ изъ земли съ тѣхъ поръ, какъ онъ довель свою скважину до пласта ея залеганія. Когда нефть стала подниматься по трубамъ, то г. Гансбергъ съ цѣлью остановить нефть спустилъ трубу ниже и этимъ закрылъ доступъ нефти въ трубу. Черезъ нѣсколько дней послѣ закрытія нефтеноснаго пласта трубою нефть сама стала выходить съ наружнаго края трубы, мѣшала работать, и тутъ ее удержать уже не было возможности, силы и способа. Труба на вышкѣ была наполнена водою, холодною на ощупь и солоноватою на вкусъ. Изъ воды все время вы-

ходили нефтяные газы, замѣтные для простого глаза на значительномъ разстояніи. Газы эти поднимались вмѣстѣ съ мелкими, какъ жемчужная пыль, брызгами воды вершковъ на 10—12 вверхъ отъ трубы. Очень хотѣлось бы сфотографировать это явленіе, но, къ огорченію совѣщанія, сдѣлать этого не удалось. На вопросъ, обращенный къ г. Гансбергу, что произошло бы, если зажечь свичку, послѣдній заявилъ, что былъ бы большой взрывъ и пожаръ, который, несмотря на имѣющіяся въ его распоряженіи сильныя пожарныя машины, погасить бы не удалось. Здѣсь не лишнимъ будетъ привести нѣкоторыя, очень цѣнныя, данныя инженера А. Г. Гансберга о результатахъ буренія на „Варваринскомъ промыслѣ“: эксплуатационная скважина на Варваринскомъ промыслѣ заложена діаметромъ 14", глубиною 360 фут., обсаженная трубами до 210 фут. Буреніе, вмѣстѣ съ трубами, по настоящее время обошлось обществу въ 26 т. руб. Буреніемъ пройдено 21 нефтеносныхъ и газоносныхъ пластовъ общей мощностью 108 фут. Суточный дебетъ съ глубины 170 фут. былъ около 100 п. нефти. Пронитка песчаниковъ, по опредѣленію лабораторіи горнаго института, 80 п. нефти на 1 куб. саж. породы. Ухтинская нефть принадлежитъ къ числу очень цѣнныхъ, такъ какъ при окончательной очисткѣ даетъ 7% бензина и 37% керосина высокаго качества. Въ настоящее время ближайшей цѣлью товарищества является добыча нефти въ количествѣ 500 пуд. въ сутки и производство изъ нея керосина (Такъ же, какъ и у другихъ нефтепромышленниковъ, сквозить одно желаніе—получить фонтанную нефть съ дебетомъ мизилоповъ пудовъ въ сутки).

Начиная съ первыхъ чиселъ марта мѣсяца 1910 года, выдѣленіе нефтяныхъ газовъ изъ скважины стало замѣтно усиливаться, а съ глубины ея въ 5—7 футовъ, считая отъ верхняго края трубы, можно было по временамъ черпать съ поверхности воды значительное количество (отъ 3—4 пуд.) бурога цвѣта нефти; такъ какъ явленія эти, не смотря на измѣненій барометра, не только не прекращались, а напротивъ, видимо, усиливались, то я, говоритъ г. Гансбергъ, рѣшилъ, помимо тартанія желонкою, попытаться посредствомъ опущеннаго до забоя скважины насоса произвести откачку воды со дна скважины. 15 апрѣля опустили мы насосъ въ скважину, а 16 рано утромъ пустили его въ ходъ. Сначала насосъ качалъ совершенно чистую прозрачную воду соленого вкуса, съ рѣдкими каплями нефти, подъ конецъ же, поздно вечеромъ, показалась незначительная муть въ водѣ, но положеніе съ нефтью въ водѣ не измѣнилось; наблюдался тѣ же рѣдкія капли нефти, и мы остановили качку нефти въ 10 час. вечера. 17 апрѣля, рано утромъ, наканунѣ праздника Св. Пасхи, мы снова возобновили качку нефти. Какъ въ первый разъ, такъ и теперь шла совершенно чистая, прозрачная вода, съ рѣдкими лишь каплями нефти, но спустя часъ времени она постепенно дѣлалась все мутнѣй и мутнѣй, кругомъ всей вышки запахло газомъ, и въ то же время показалось въ водѣ множество крупныхъ капель нефти, которая, по мѣрѣ продолженія качки, все болѣе и болѣе прибавлялась. Наконецъ, поздно вечеромъ, когда качку надо было остановить въ виду наступающей темноты, было замѣтно, что почти вся текущая вода по жолобу была сплошь покрыта нефтью. Качку остановили въ 10 час. вечера. 18 числа, въ первый день Воскресенія Христова, въ 5 час. пополудни представилась намъ до этого невидѣнная въ Варваринскомъ промыслѣ картина: нефть сама, безъ всякой качки выливалась изъ скважины и стекала по жолобу въ чанъ. Въ

этотъ день мы никакихъ работъ не предпринимали. 19 числа, во 2-й день Пасхи, сначала качалась совершенно чистая соленая вода съ рѣдкими лишь каплями нефти, но черезъ нѣкоторое время вода сдѣлалась мутнѣе, и вскорѣ послѣ этого показались очень крупныя капли нефти въ видѣ большихъ клочковъ. Такъ продолжалось около четырехъ часовъ при страшно сильномъ запахѣ газовъ. Вдругъ громко застучали клапаны насоса, и изъ трубы полилась сплошная струя совершенно чистой, безъ воды, нефти, которая, стекая къ чану, наполняла весь желобъ поперечнаго сѣченія 7×11" дюймовъ. Рабочіе, подобнаго зрѣлища никогда не видѣвшіе, радостно заволновались при видѣ такой густой, безъ воды, промышленной нефти, въ такомъ значительномъ количествѣ и просили въ память сего событія ихъ сфотографировать. Въ теченіе лѣтняго сезона товарищество „Гансбергъ, Корниловъ и Ко“ глубокаго буренія на Варваринскомъ промыслѣ производило, сосредоточивъ свои работы на закладкѣ новыхъ буровыхъ скважинъ въ разныхъ мѣстахъ. Дебетъ нефти съ глубины 24 сажени былъ около 100 пуд. въ сутки, и нефть при окончательной очисткѣ давала бензина 7% и 37% керосина.

Изъ помѣщенія вышки совѣщаніе отправилось осматривать отстоящее отъ вышки въ саженихъ 50—60 машинное отдѣленіе. Отдѣленіе было большое, свѣтлое и просторное. Всѣ машины, судя по внѣшнему виду, были въ исправности. Всѣ части машинъ были чисты—блестѣли и производили пріятное впечатлѣніе. Въ машинномъ отдѣленіи съ приводомъ отъ общей паровой машины находилась порядочная по величинѣ динамо, кромѣ того, здѣсь же имѣлись аккумуляторы и проч. принадлежности.

Стоимость оборудованія буровой вышки высотой въ 9 саж. со всѣми приспособленіями равна 20 тыс. руб.

Стоимость оборудованія котельной равна 10 т. руб. Чистота во всемъ парила образцовая.

Изъ машиннаго зданія совѣщаніе перешло въ зданіе мастерской, богатъ оборудованной станками, инструментами и пр. принадлежностями.

Стоимость оборудованія механической мастерской и кухни 10 т. руб., электрической станціи 7 т. руб. Затѣмъ совѣщаніе осматривало кладовыя со складомъ въ нихъ разныхъ принадлежностей для буренія. Главная кладовая занимала большое свѣтлое и высокое помѣщеніе, которое было въ образцовомъ порядкѣ и буквально все на имѣющихся здѣсь стеллажахъ и полкахъ было занято разными матеріалами: здѣсь были разныхъ размѣровъ трубы, зубила, запасныя штанги, разные слесарные инструменты, фонари вплоть до прожекторовъ и множество др. приспособленій, перечисленіе которыхъ заняло бы много времени и мѣста. Стоимость запасныхъ матеріаловъ, припасовъ и машинныхъ частей исчисляется приблизительно въ 10 тыс. руб.

Здѣсь же, въ кладовой, были собраны въ значительномъ количествѣ разныхъ породы съ прилегающихъ къ Ухтѣ окрестностей сланца, доманника, асфальта, руды и многое другое. Нѣсколько кусковъ асфальта и доманниковъ совѣщаніе захватило и привезло съ собою въ Яренскъ. Осмотрѣвъ кладовыя, совѣщаніе перешло въ новое зданіе керосинового завода.

Вновь выстроенное зданіе завода небольшое, но по тому количеству, на которое рассчитана перегонка керосина, вполне достаточное. Въ немъ поставлена печь, сдѣланы кубы для перегрѣва нефти, и стоятъ

машинны для перекачки ея изъ сооруженныхъ вблизи, снаружки завода, баковъ.

Керосиновый заводъ, за отсутствіемъ какихъ-то необходимыхъ частей, которыя нужно доставить изъ-за границы, а главное средство, пока еще не работаетъ. Заводъ будетъ вырабатывать въ достаточномъ количествѣ керосинъ для нуждъ мѣстнаго населенія и бензинъ—для своихъ потребностей, какъ-то: для моторныхъ лодокъ, яхтъ и аэросаней и др. двигателей, которые предположено приобрести въ ближайшемъ будущемъ.

Барваринскій промыселъ оборудованъ паровою машиною для буренія, не капатнаго, какъ у казны, а хотя болѣе дорогаго, но правильнаго и значительную глубину для буренія штанговымъ способомъ. Стоимость деревянныхъ зданій—25 тыс. рублей.

Кромѣ вышесказаннаго, у инженера А. Г. Гансбергъ имѣется очень много своего имущества того же характера, какъ и у товарищества, много и друг., какъ, напр. моторная лодка и пр.

Все видѣнное составомъ совѣщанія оставило неизгладимое впечатлѣніе. Распростившись съ любезнымъ хозяиномъ и пожелавъ ему терпѣнія и удачи, совѣщаніе возвратилось на мѣсто бывшего почлега, гдѣ наскоро пообѣдавъ, въ 7 час. вечера тронулось на отдохнувшихъ лошадахъ въ обратный путь.

Возвращаясь съ Ухты подъ впечатлѣніемъ видѣннаго, мысли всѣхъ витали около заповѣдныхъ богатствъ этого мало извѣстнаго края. и въ разговорахъ выяснилось, что у всѣхъ лицъ совѣщанія назрѣла одна идейная мысль: хорошо было бы если бы яренское земство проявило инициативу и дало бы первый толчекъ, взявшись за это дѣло по развитію соннаго края, къ извлеченію на свѣтъ Божій колоссальныхъ залежей цѣнныхъ и полезныхъ ископаемыхъ, хранящихся въ недрахъ Тиманскаго кряжа. Было бы весьма желательно и своевременно, чтобы земство, во-первыхъ, пошло навстрѣчу назрѣвшей потребности и промышленности Сѣвернаго края и, во-вторыхъ, пришло на помощь нуждающемуся населенію и дало ему побочный заработокъ и дешевый свѣтъ на длинныя сѣверныя зимніе вечера. Еще въ пути было предрѣшено созвать въ концѣ мая или началѣ іюня чрезвычайное земское собраніе, на обсужденіе коего внести вопросы, во-первыхъ, объ открытіи на Ухтѣ земской промышленности по добычѣ нефти, во-вторыхъ, объ оборудованіи керосиннаго завода для выработки изъ добываемой нефти керосина, хотя бы съ небольшою „на первое время“ производительностью—тысячъ на 30—50 пудовъ въ годъ, т. е. такого количества керосина, которое хватило бы для обслуживания яренскаго и части устьсысольскаго и сольвычегодскаго уѣздовъ, и, въ третьихъ, о необходимости развитія промышленности по добычѣ на рѣкѣ Ухтѣ нефти кустарнымъ способомъ, затѣмъ о необходимости приобретения для развитія кустарной промышленности недорогихъ машинъ и буровыхъ инструментовъ, годныхъ для мелкаго буренія. Привлеченіе же къ нарождающемуся дѣлу крестьянъ Яренскаго уѣзда будетъ однимъ изъ главныхъ импульсовъ въ общемъ движеніи по развитію этого богатаго края и тѣмъ самымъ дастъ нѣкоторымъ изъ нихъ кусокъ хлѣба и большому ству—значительный побочный заработокъ.

Резюмируя свѣдѣнія объ имѣющихся данныхъ, приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: а) по свѣдѣніямъ горнаго инженера Стукачева, наблюдавшаго за работами по буренію въ № 1 казенной скважины, пред-

ставленному горному департаменту, имѣются такія данныя: „первыя нефтеносныя пласты до глубины 39 саж. отвѣчаютъ на каждую квадратную сажень поверхности въ недрахъ хранилища 330 пуд. нефти. Считаю, что изъ этого количества возможно будетъ извлечь хотя лишь 15%, или 50 пуд. и то съ одной десятины получится $50 \times 2400 = 120.000$ пуд.“; б) по даннымъ инженера А. Г. Гансберга, запасы нефти опредѣляются слѣдующимъ образомъ: „какъ видно изъ буроваго журнала Варваринской скважины, начиная отъ 8 по 52 саж. глубины, общую мощность газа и нефтеносныхъ пластовъ, песчаниковъ и разнообразныхъ мергелей составляютъ 28,49 сажени. Исключая изъ этой общей мощности 14,26 саж. пластовъ, содержащихъ мало нефти, то остается продуктивныхъ нефтеносныхъ пластовъ—14,23 саж. Произведенными пробами выяснилась насыщенность нефтью песчанниковъ 17%, 15%, 14% и 12%, а мергелей 6%, 4%, 2% и 1%. Такимъ образомъ, средняя насыщенность всѣхъ 8 породъ выяснилась 8,8%. Принимая во вниманіе только 8%, и въ такомъ случаѣ 1 куб. сажень нефтеносныхъ породъ, при среднемъ удѣльномъ вѣсѣ нефти 0,921 и вѣсѣ кубической сажени воды въ 600 пудовъ, содержитъ $(0,921 \times 500 \times 0,09) = 44,2$ пуд. нефти. Эти данныя даютъ основаніе допустить, что одна кв. сажень поверхности земли, при мощности въ недрахъ залегающихъ нефтеносныхъ породъ 14 сажени (не считая другихъ 14 саж. газо-мало-нефтеносныхъ пластовъ), содержитъ $(14 \times 44,2) = 618,8$ пуд., а одна десятина, или 2400 кв. саж. $(2400 \times 618,8) = 1,485,120$ пудовъ нефти.

Ухтинскій районъ объявленъ завѣдомо нефтеноснымъ въ 12.000 кв. верстѣ, что будучи помножено на 104 составитъ въ общемъ $(12.000 \times 104) = 1,248,000$ дес., съ которыхъ, если взять минимальное количество нефти съ одной десятины по даннымъ инженера Стукачева—120.000 п., то получимъ $(120,000 \text{ п.} \times 1,248,000 \text{ д.}) = 149,660,000,000$ пуд. нефти. Цифры эти взяты слишкомъ осторожно.

Данныя же инженера Гансберга $(1,485,120 \text{ п.} \times 1,248,000 \text{ д.}) = 1,853,429,760,000$ пуд., поражаютъ своею колоссальностью.

Такимъ образомъ, при обязательной добычѣ изъ Тиманскихъ недръ нефти не меньше 100,000,000 пуд. въ годъ, богатства этого по даннымъ инженера Стукачева хватитъ на $(149,660,000,000 : 100,000,000) = 1,496$ лѣтъ. Допустивъ, что это богатство распределено неравномѣрно на всей объявленной въ 12000 кв. верстѣ площади и полученную сумму сократимъ на двѣ трети, (чрезвычайно малая, по сравненію съ дѣйствительностью цифра), получимъ $(1496 : 3) = 499$, за округленіемъ 500 лѣтъ, а данныя же эти взяты слишкомъ осторожно. Данныя инженера Гансберга значительно полнѣе. Какъ тѣ, такъ и другія данныя касаются только нефти, залегающей въ верхнихъ слояхъ почвы, нефти болѣе тяжелой удѣльнаго вѣса 0,921 и болѣе. Что же касается залежей нижней нефти, болѣе легкой, то залежи эти совершенно не изслѣдованы, и до настоящаго времени дѣлались лишь слабыя попытки къ полученію нижней нефти, но эти залежи, несомнѣнно, поразительно велики.

Богатство это, какъ видно, колоссально и распределено на огромной площади, почему и можно сказать, что вызывая ухтенскія мѣсторожденія къ промышленной жизни, необходимо будетъ отрѣшиться отъ многихъ рутинныхъ взглядовъ южныхъ нефтепромышленниковъ съ бакинскимъ масштабомъ во главѣ и въ отношеніи Ухты нужно обра-

тѣтъ вниманіе на американскихъ предпринимателей съ пенсильванскими мѣсторожденіями, которые управляютъ нефтянымъ міровымъ рынкомъ. Къ этому и должна стремиться ухтенская нефтепромышленность. Запасы нефти въ Пенсильваніи въ лучшихъ ея мѣстахъ выражаются отъ 30 до 50 тыс. пудовъ на десятилѣтнюю (на Ухтѣ пока одна только верхняя нефть можетъ дать минимумъ 120,000 пуд. Суточная производительность одной скважины была въ самый цвѣтущій періодъ Пенсильваніи, въ 1903—1906 годахъ, въ среднемъ 11,6 баррелей, т. е. около 95 пуд., на Ухтѣ № 1 казенная на глубинѣ 40 саж.—130 пуд.). Средняя же общая производительность скважины Пенсильваніи за періодъ 1889 года по 1892 г. равна 18 пуд. въ сутки. Фонтаны въ Пенсильваніи составляютъ на 100 скважинъ не болѣе 8%, остальные же 92% приурочены исключительно къ качкѣ. Какъ на весьма рѣдкіе случаи того времени можно указать на 2—3 фонтана, давшихъ до 80,000 пудовъ въ сутки. Эта цифра удерживалась не болѣе двухъ сутокъ, а затѣмъ быстро падала.

Бакинскіе грандіозные фонтаны, часто причиняющіе отъ пожаровъ, вмѣсто пользы, значительныя бѣдствія, своимъ, хотя и временнымъ, но громаднымъ по величинѣ дебетомъ нефти заставляютъ широкую публику и многихъ русскихъ нефтепромышленниковъ ошибочно полагать, что добыча нефти можетъ производиться только фонтанамъ.

Для получения же на Ухтѣ ожидаемыхъ фонтановъ съ крупною добычею нефти сдѣлано пока очень мало—почти ничего, предстоитъ сначала прорубить ухтинскія пѣдра согласно докладовъ геологовъ Б. И. Вангеля 286 саж., горнаго инженера В. А. Петрова 280 с., геолога Андерсона 300 саж., французскаго геолога г. Банке—350 саж., инженера г. Форрата не менѣе 300 саж., что въ среднемъ составитъ (286—280—300—350—300) 295, а за небольшимъ округленіемъ 300 саж.

Въ Баку для добычи нефти бурятъ скважины отъ 100 до 500 и даже выше саженой. На Ухтѣ же въ настоящее время только одна казенная № 1 скважина достигаетъ лишь до 200 саж., а большинство остальныхъ скважинъ пробиты на весьма незначительную глубину.

Изъ вышеннаго усматривается, что пока не будутъ пробурены скважины до указанной глубины въ 300—350 саж., или не появятся предприниматели съ американскимъ масштабомъ, до того времени не будетъ на Ухтѣ фонтановъ нефти, на міровой же рынокъ ухтинская нефть можетъ появиться даже при добычѣ кустарнымъ способомъ.

Итакъ на Ухтѣ нефть есть и она сама найдетъ себѣ дорогу, но пѣтъ на Ухту дороги для проѣзда людей и доставки необходимыхъ для добычи нефти инструментовъ и необходимыхъ людямъ провіантовъ, а безъ дороги Ухта получить широкаго развитія, конечно, не можетъ. Одной ли Ухтѣ нужна дорога? Для рѣшенія этой задачи потребуемъ набросать бѣдливый эскизъ части дивной картины природныхъ и неисчерпаемыхъ богатствъ соедѣннаго съ Ухтою и громаднаго по территории Печорскаго края, въ особенности Тиманскаго края.

Золото. До сихъ поръ золото отыскивали лишь старатели въ верховьяхъ Щугора, Илыча, Малой Печоры и Уныи. Въ верховьяхъ Ерга-Ляга золотопромышленникомъ Волковымъ были открыты значительныя золотыя залежи. Были случаи находенія и россыпей съ солидными самородками, но безлюдіе и суровыя условія, въ которыхъ приходилось работать лѣтомъ въ лѣсахъ, на промыслахъ несквозь, отсутствіе

жилицъ, а главное пути сообщенія тормозили и всегда будутъ тормозить добычу золота. Безъ продовольствія невозможны никакія работы. Безъ дорогъ невозможно подвести рабочія силы и продовольствіе къ мѣсту работъ. Много было и другихъ косвенныхъ причинъ, которыя мѣшали полученію серьезныхъ результатовъ.

Мѣдь. Мѣдныя руды, о которыхъ болѣе или менѣе извѣстно, находятся въ бассейнѣ рѣкъ Цильмы, Пжмы и Сулы (лѣвые притоки Печоры) и Уси (правый притокъ Печоры). Наиболѣе обследованными являются богатія Цильменскія мѣдныя мѣсторожденія. Еще при Іоаннѣ IV велѣсь разработки мѣдныхъ рудъ на Цильмѣ. Хотя до насъ и не дошло свѣдѣній о количествѣ добытыхъ рудъ, но, судя по оставшимся слѣдамъ въ мѣстности, именуемой до сихъ поръ „Заводами“, разработки занимали площадь до 4 тыс. кв. верстъ.

Въ 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія Цильменскія мѣсторожденія изслѣдовали г.г. Антиновъ, Шренкъ, Гофманъ и Кейзерлингъ. Тогда же велѣсь развѣдки московскимъ купцомъ Рязанцевымъ. Въ 1889, 1890 годахъ Цильма была обследована академикомъ Чернышевымъ и въ 1896 г. Бартеневымъ.

Все эти изслѣдованія, имѣя практическій характеръ, не имѣли промышленнаго значенія и были чисто рекогносцировочными (было это, вѣроятно, результатомъ недостатка средствъ). Въ настоящее время мѣстные жители добываютъ мѣдь довольно примитивными способами, вылавливая ее въ небольшихъ горнахъ.

Желѣзо. Желѣзные руды въ изобиліи встрѣчаются въ верхоньяхъ Малой Печоры, Уныи и Плыча. Главную массу составляютъ бурые желѣзняки съ довольно большимъ процентнымъ содержаніемъ желѣза (до 55^{1/2}). Во многихъ мѣстахъ руда выходитъ прямо на поверхность земли и залегаеь слоями большой мощности. Руды эти также изслѣдованы мало, но при поверхностномъ знакомствѣ съ ихъ мѣсторожденіями они поражаютъ своею грандіозностью.

Свинцовая руда. Свинцовая руда открыта 17 іюня 1910 г. бывшимъ начальникомъ вологодскаго управленія земледѣлія и государственныя имуществъ Иваномъ Михайловичемъ Шомигоновымъ въ казенной лѣсной дачѣ Устьесельскаго уѣзда, въ верхоньяхъ р. Плыча, впадающей въ р. Печору, въ мѣстности подъ названіемъ „Шантымъ-Прилукъ“, находящейся въ 12 верстахъ отъ дер. „Ляга-Доръ“, при устьѣ рѣки „Ерга-Ляга“, впадающей въ р. Илычъ. Руда залегаеь въ верхнемъ слое скалистаго берега р. Плыча сплошнымъ пластомъ, толщиной 1—2 фута на протяженіи версты. Пасколько широко и глубоко залегаеь пластъ въ перпендикулярному отъ берега рѣки направленію—не выяснено, такъ какъ подробныхъ изслѣдованій мѣстности произведено не было. По качественному анализу, произведенному инженеръ-технологомъ Киблеромъ, количество свинца опредѣлено точно: руда содержитъ въ себѣ 61, 12% чистаго свинца, мышьяка—слѣды.

Каменный уголь. Каменный уголь находится въ Печорскомъ краѣ во многихъ мѣстахъ, но описанія залежей его и точнаго обследованія этихъ залежей до сего времени ни кѣмъ не производилось. По рѣкѣ Ужкѣ и притокамъ ея р. „Ай-Ювай“, „Дресвянки“ въ береговыхъ напластованіяхъ, при низкомъ горизонтѣ воды въ рѣкѣ, можно видѣть слои угля толщиной до одного фута. Кромѣ того, каменный уголь залегаеь въ бассейнѣ р. Цильмы и по ея притокамъ, гдѣ онъ часто пронизанъ мѣдными окисями, но среднему теченію Печоры и въ вер-

ховыхъ ея, на линіи продолженія Луньевскихъ угольныхъ копей, и главному притоку Печоры — Пыльчу.

Сѣрные колчеданы. Сѣрные колчеданы встрѣчаются по рѣкамъ Уса, Ижма съ притоками, въ верхнихъ Печора и Вишета.

Въ Ижмѣ колчеданы залегаютъ между селеніями „Ножня“ и „Усть-Ухта“, Усть-Сюзская и Виленская, а также по правому притоку Ижмы — „Ай-Ювай“ и лѣвому „Сюзь-Ю“.

Слои ижемскихъ колчедановъ находятся обыкновенно подъ глинами, известниками и песчаниками на горизонтѣ или ниже меженихъ водъ рѣки. Покрывающія колчеданы породы песчаниковъ и известняковъ образуютъ на рѣкѣ рядъ пороговъ. Колчеданы на Ижмѣ во всѣхъ мѣстахъ хорошо сохранили кристаллизацию, по рѣкамъ же „Ай-Ювай“ и „Сюзь-Ю“ встрѣчаются уже колчеданы разрушающіеся, постепенно переходящіе въ бурый желѣзникъ.

Такъ какъ добыча сѣрнаго колчедана и сѣры у насъ довольно незначительна, то естественно долженъ явиться вопросъ о возможности эксплуатаціи этихъ залежей.

Анализъ показалъ, что по процентному содержанию сѣры ижемскіе колчеданы не уступаютъ пенанскимъ, которые считаются лучшими въ Европѣ. Пенанскіе колчеданы содержатъ отъ 44,6 до 49,6% сѣры. Ижемскіе же содержатъ сѣру въ пропорціи 45,12%. Столь хорошия качества колчедановъ позволяютъ надѣяться на то, что съ улучшеніемъ путей сообщенія они, несомнѣнно, проникнутъ на внутренніе рынки.

Съ развитіемъ же нефтяной промышленности большое количество сѣрныхъ колчедановъ потребуется на мѣстѣ для выдѣлки сѣрной кислоты, необходимой для очистки керосина.

Асфальтъ. *) Мѣсторожденіе асфальта находится въ Устьельскомъ уездѣ, Сидоровскомъ двѣнцествѣ, по южному теченію рѣки Ижмы, притока рѣки Печоры, между двухъ деревень — „Кушкаджь“ и „Пимода“. Два рудника около самаго берега Ижмы и 5 рудниковъ по притоку Ижмы, на рѣкѣ „Легъ-Кымъ“.

Горныя породы мѣсторожденія асфальта представляютъ мягкіе известняки, доломиты и песчаники, насыщенные бутимами. Преобладающую породу составляютъ известняки, пронитанные асфальтомъ или же имѣющіе трещины и прослойки, которыя заполнены совершенно чистымъ, безъ малѣйшей примѣси песка, асфальтомъ, блестящимъ, хрупкимъ, такъ называемымъ сирійскимъ асфальтомъ, послѣдній при нагреваніи плавится безъ малѣйшаго запаха, какъ лучшій сургучъ. Количество руды на 7 рудникахъ пространствомъ въ 1.750.000 кв. саженой, при мощности пласта только въ одной сажени, средняя мощность пласта не менѣе 3-хъ саженой составляетъ свыше 2 миллионновъ пудовъ, а чистаго компактнаго асфальта при выходѣ изъ этой руды, считая не больше 1%, и то свыше 20.000.000 пудовъ, между тѣмъ какъ имѣются руды съ содержаніемъ и свыше 20% асфальта, не говоря уже о совершенно чистомъ (100%) асфальтѣ безъ всякой примѣси горныхъ породъ.

Есть много и другихъ мѣсторожденій асфальта въ громадныхъ залежахъ мѣстностей Печорскаго бассейна, которыя въ настоящее время еще не изслѣдованы и не эксплуатируются.

*) Изъ отчета торгово-промышленнаго товарищества А. Г. Гансбургъ и Ф. К. Блеккерь.

Точильный камень. Въ Печорскомъ краѣ по Цильмѣ, Пижмѣ, Печорѣ, на Ухтѣ и въ верховьяхъ Вычегды существуютъ залежи точильнаго камня.

Цильменскій, пижемскій и ухтенскій камень сѣраго цвѣта, печорскій и вычегодскій—сѣраго и чернаго. По своимъ качествамъ какъ черныя точила, такъ и сѣрыя нисколько не уступаютъ лучшимъ сортамъ заграничнаго камня, имѣющаго такое широкое распространеніе на нашемъ рынкѣ. Печорскій камень, во всякомъ случаѣ, лучше норвежскаго (бѣлаго), распространеннаго на Сѣверѣ. Разрабатывается въ настоящее время въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ только лишь печорскій камень крестьянами Усть-Шурской волости.

Графитъ. Выходы графита наблюдаются въ значительномъ количествѣ въ разстояніи 100—150 сажени отъ устья рѣки „Ерга-Лига“. Залегающіе пласты большой мощности, и графитъ хорошаго качества. Въ настоящее время эти залежи почти неизслѣдованны.

Рыбныя богатства. Рыбныя богатства печорскаго и мезенскаго бассейновъ колоссальны. Волокомъ на одну Чердынъ направляется ежегодно болѣе 20.000 пуд. семги, на сумму до 400.000 руб. и болѣе 200.000 пудовъ разной бѣлой рыбы на сумму до 1.000.000 руб., при чемъ большая масса семги идетъ воднымъ путемъ на Архангельскъ и зимнимъ далеко кружнымъ путемъ на Пинегу. Главная же масса всей вылавливаемой въ печорскомъ бассейнѣ рыбы не выдерживаетъ дальней перевозки и остается на мѣстѣ для нуждъ и потребления малочисленнаго мѣстнаго населенія, засаливается, вялится, заквашивается, потомъ разлагается и въ большинствѣ случаевъ совершенно пропадаетъ.

Съ устроительствомъ воднаго пути чрезъ проектируемый соединительный каналъ между р.р. Сѣверной и Южной Мыльвами и грунтовой дороги между Устьвымомъ и дер. Порожекой на рѣкѣ Ижмѣ представится полная возможность эксплуатировать пропадающія нынѣ колоссальныя рыбныя богатства бѣлой печорской рыбы (какъ напр.: навалы, корюшки, поккола, омулей, сига, сельдей и мн. другихъ породы).

Такимъ образомъ, вся эта масса рыбы получитъ выходъ на внутренніе рынки Россіи, минуя Пинегу и Архангельскъ, прямымъ путемъ черезъ Котласъ-Вологду, а бѣдное городское населеніе сѣвернаго края и средней Россіи въ дополненіе къ своему скромному столу получить дешевое и питательное рыбное блюдо.

Запрѣ-птице-промышленность и оленеводство. Промышленная охота на звѣрное и пернатое царство въ настоящее время въ краѣ очень сильно развита и за отсутствіемъ путей сообщенія не можетъ въ полной мѣрѣ эксплуатироваться, а эксплуатируются лишь одніи шкуры звѣрей и нѣкоторыхъ птицъ, вкусное же и питательное мясо совершенно пропадаетъ.

Чердынскіе монополисты-эксплоататоры ежегодно ввозятъ съ Камы воднымъ путемъ черезъ значительныя волока въ печорско-мезенскіе края свыше полмилліона пудовъ продуктовъ и предметовъ первой необходимости и вещей домашняго обихода и значительныя запасы хлѣба, а Архангельскъ свыше ста пятидесяти пудовъ подобнаго же груза; соседняя же Вологодская губернія за отсутствіемъ путей сообщенія не можетъ доставлять даже самаго незначительнаго количества продуктовъ и должна быть невольной зрительницей проходящихъ мимо грузовъ.

При обмѣнѣ цѣнностями за доставляемые продукты и издѣлія преобладающее значеніе имѣютъ вывозимые на Каму и въ Архангельскъ изъ Печорскаго края шкуры: соболей, куницъ, бѣлыхъ и голу-

быхъ песцовъ, чернобурыхъ и красныхъ лисицъ, выдры, горностаевъ, волковъ, росомахъ, рысей, бѣлыхъ полярныхъ зайцевъ, бѣлыхъ и бурыхъ медвѣдей, тюленей, нерилъ, моржей и друг. звѣрей. Такъ же значительную часть составляетъ отправляемая на Чердынь ворвань (свыше десяти тысячъ нудовъ ежегодно), ремни и изготовляемыя изъ шихъ обувь, нмы и линты.

Количество дичи края колоссально. Промышленниками ежегодно добываются миллионы штукъ бѣлыхъ и сѣрыхъ куропатокъ, рябчиковъ, косачей, глухарей, гусей, лебедей, турпановъ, гагаръ, казарокъ, ченшухъ и разныхъ мелкихъ широконосовъ, широкохвостовъ, чирковъ, сви-зи, черныи, вальдшнеповъ и множество другихъ породъ.

За отсутствіемъ опять-таки путей сообщенія, вся эта битая птица не можетъ эксплуатироваться, а отправляются лишь одигъ шкурки пѣ-которыхъ птицъ—мясо же засаливается и продается на мѣстѣ отъ 1 р. за нудъ, т. е. около 2 коп. за штуку. Несомнѣнно, что съ постройкой хотя бы грунтовой дороги весь этотъ грузъ двинется въ Москву черезъ Яренскъ-Вологду.

Краспорѣчивымъ подтвержденіемъ изложенныхъ здѣсь соображеній о трудности отправки грузовъ можетъ служить весьма характерный фактъ, случившійся прошлою зимой. Узнавъ изъ газетъ объ открытіи земскаго зимняго тракта Ухта-Устьвымъ, партія промышленниковъ направила большой до 300-хъ санныхъ подводъ обозъ съ грузами и битой птицей, шкурами и замшею съ Печоры въ Котласъ черезъ Ухту. Прослѣдовавъ значительное разстояніе до села Усть-Ухты и узнавъ, что хотя Устьсысольское земство дорогу-просѣку для движенія и открыло, но на лѣсныхъ ея станціяхъ не оказалось никакихъ запасовъ хлѣба для людей и овса и сѣна для лошадей, обозъ повернулъ обратно по паторенному пути въ Архангельскъ черезъ 56 расположенныхъ на пути станцій, съ общимъ разстояніемъ до 1060 верстъ, тогда какъ только при наличіи на земскихъ станціяхъ необходимыхъ запасовъ продовольствія и фуража путь этого злополучнаго обоза до Котласа сократился бы на 560 верстъ.

Лѣсныя богатства. Во всей нашей необъятной Европейской Россіи нѣтъ болѣе обширныхъ лѣсныхъ площадей, какъ площадь, прилегающая къ Печорско-Двинскому бассейну, находящаяся въ Вологодской и Архангельской губерніяхъ и занимающая свыше 50.000.000 десятинъ древонасажденій разныхъ породъ.

Хотя въ послѣднее время эти лѣса подвергаются вырубкѣ, но эти вырубки сравнительно невелики и не распространяются дальше 10—15 верстной полосы отъ протекающихъ здѣсь рѣкъ и рѣчекъ. Часть этихъ лѣсовъ бывшими за послѣдніе годы грандіозными лѣсными пожарами хотя и уничтожена, все же оставшаяся площадь лѣсныхъ зарослей колоссальна и не поддается точному учету.

Трудно теперь предполагать, какое примѣненіе получить эта поражающая своею величиною лѣсная громада, но невольно думается, что съ проведеніемъ даже грунтовой дороги вырабатываемая на мѣстѣ целлюлоза внолгѣ выдержала бы конкуренцію съ финляндскимъ лѣсомъ, запасы же древесныхъ матеріаловъ для целлюлозы колоссальны и ихъ хватитъ не на одну сотню лѣтъ. Всѣ условія, необходимыя для выдѣлки целлюлозы на Гиманскомъ кряжѣ, налично, даже такъ необходимыя сѣрные колчеданы и тѣ имѣются въ громадномъ количествѣ.

Проведенный грунтовой путь дастъ возможность лѣсопромышленникамъ проникать въ глубь лѣсныхъ массъ.

Кромѣ поименованныхъ богатствъ этого удивительнаго, но мало изслѣдованнаго края, на Тиманскомъ краѣ повсюду разсыпаны въ значительныхъ количествахъ драгоценности, какъ напимѣрь, цѣпныя разновидности кварца, аметисты, горный хрусталь, дымчатые топазы, агаты, халцедоны, алмадинны, а изъ минеральныхъ богатствъ Печорскаго края обращаютъ особое вниманіе громадные залежи бѣлаго и цвѣтнаго мрамора, гранита, мергелей и фосфоритовъ.

Полное развитіе Печорскаго края при настоящемъ положеніи до постройки удобныхъ путей сообщенія, конечно, совершенно немислимо, съ постройкою же дорогъ этотъ край въ скоромъ времени проснется, оживится, станетъ развиваться съ поражающей быстротой и очень скоро достигнетъ своего кульминаціоннаго пункта, обогативъ Россію и давъ заработокъ нуждающемуся населенію губерній.

Приведенныя данныя ясно говорятъ, что дорога нужна не только для одной Ухты. Нужно соединить рѣку Печору съ Вычегдою. Проектируемая яренскимъ земствомъ грунтовая дорога отъ Устьями только до р. Ухты едва ли достигнетъ цѣли, а посему и проводить дорогу не имѣетъ смысла, ибо это будетъ туникъ, а, какъ извѣстно, все туники нежизнеспособны. Изъ предполагаемой дороги нужно сдѣлать мощную артерію, а потому ее нужно провести до рѣки Пжмы, притока р. Печоры, ниже дер. Пороговъ, гдѣ она дѣлается впадою судоходною, какъ и рѣка Вычегда по впаденію въ нее рѣки Выми. Тѣмъ болѣе, что это дополнительное разстояніе незначительно: верстъ 35—40 или сколько окажется по изслѣдованію, а въ далекомъ будущемъ, если произойдетъ соединеніе Вычегды съ Печорою воднымъ путемъ или желѣзною дорогою, то не только до Пжмы, а даже до рѣки Оби, у гор. Обдорска. Проектируемая грунтовая дорога будетъ служить прекраснымъ подъѣзнымъ путемъ, а въ настоящее время могла бы имѣть государственное значеніе.

Соединеніе Печоры съ внутренними водными путями признано немнѣю давно дѣломъ первостепеннаго государственнаго значенія. Было много вариантовъ этой дороги, и много было произведено изысканій.

Вольшинство извѣстныхъ проектовъ о соединеніи рѣкъ Печорскаго бассейна тяготною къ рѣкамъ Камскаго бассейна, и все они имѣли нѣкоторые достоинства и страдали отъ весьма серьезныхъ недостатковъ. Достоверно извѣстно лишь то, что ни одинъ проектъ не получилъ серьезнаго практическаго осуществленія: въ большинствѣ случаевъ эти проекты были лишь одними хорошими пожеланіями. Такъ извѣстны проекты соединенія Камы съ Печорою посредствомъ каналовъ.

По первому проекту адмирала Рибаса 1789 надлежало соединить притокъ рѣки Уньи, впадающей въ р. Печору, Умсель съ рѣкою Колбою, притокомъ Камы. Проектъ этотъ не былъ рационаленъ по причинамъ мелководья указанныхъ притоковъ и порожистаго ихъ дна съ быстрымъ теченіемъ.

Проектомъ майора Наренца предложено соединить рѣку Вогулку, впадающую въ р. Винерку, а послѣднюю въ Колву—съ рѣкой Волосницей, притокомъ Печоры. Рѣки эти маловодны и несудобны для су-

доходства, а потому, если-бы и произошло такое соединеніе, то оно не было-бы жизненно и скоро погасло бы естественною смертію.

Проекты Алина, Мисурина и Юрганова хотя и завершились постройкой грунтовой дороги на Якшу за счет чердынского земства, но существеннаго значенія на рѣшеніе этого вопроса имѣть не могли, такъ какъ имѣли чисто мѣстное значеніе.

Проекту казанскаго округа путей сообщенія не суждено было осуществиться по причинамъ вышеприведеннымъ, хотя начальникъ пермской судоходной дистанціи, производя изслѣдованіе этого вопроса, высказался о желательности соединенія камскаго и печорскаго бассейновъ посредствомъ каналовъ между Вогудкою и Воловничей. Железнодорожный же проектъ округа о соединеніи села Троицко-Печорскаго съ гор. Чердынью также не былъ осуществленъ.

Проекту инженера Великанова о соединеніи Суловской пристани на рѣкѣ Березовкѣ съ Якшинской пристанью на р. Печорѣ узкоколейною переносною паровою желѣзною дорогою съ улучшеніемъ воднаго пути по р.р. Печорѣ, Березовкѣ, Вишеркѣ и Кольвѣ также по причинѣ маловодности этихъ рѣкъ не суждено было осуществиться.

Было много и другихъ проектовъ, по своей структурѣ весьма близко подходящихъ къ поименованнымъ здѣсь проектамъ.

Какъ видно изъ вышеупомянутыхъ проектовъ, всѣ они сходились въ одномъ: о необходимости соединенія столь важныхъ водныхъ артерій, какъ Печора и Кама, признавая за этимъ соединеніемъ государственное значеніе.

Не отрицая важности этихъ проектовъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на другое соединеніе тоже весьма важныхъ артерій Печора съ Двиною рельсовымъ путемъ черезъ Икму, Ухту ю Котласа, а еще лучше до Вологды (проектъ Вриони-Обдорскъ-Рыбинскъ).

Достаточно бросить бѣглый взглядъ на северную карту Россіи чтобы убѣдиться въ жизненности изложенныхъ послѣднихъ предложеній, но на осуществленіе этого проекта потребуются довольно значительныя средства — свыше 30 милліоновъ рублей.

Отбросивъ мысль о постройкѣ желѣзной дороги, какъ по финансовымъ соображеніямъ несвоевременную, необходимо обратить вниманіе на только что вышедшіе изъ печати труды комиссіи Половодскаго губернскаго земства по обследованію въ 1910 году экономическаго положенія мѣстностей, прилегающихъ къ воднымъ путямъ губерніи. въ концѣ имѣется уже готовое рѣшеніе интересующаго вопроса въ видѣ прекраснаго и детально разработанаго проекта о соединеніи не только рѣкъ печорскаго и двинскаго бассейновъ при посредствѣ плотинованнаго канала между рѣками Сѣверной и Южной Мылвами, но и вопроса о проведеніи Великаго Сибирскаго воднаго пути по рѣкамъ Оби и Сосьвѣ при посредствѣ соединительнаго канала-тоннели и по рѣкамъ Ерга-Ляги, Илычу, Печорѣ и Двины.

При проведеніи въ жизнь этого грандіознаго проекта о соединеніи мощныхъ водныхъ артерій двинскаго, печорскаго и обскаго бассейновъ естественнымъ образомъ сами собою будутъ окончательны рѣшенія и вопросы объ ухтинской нефти и многихъ другихъ богатствъ Тизьскаго края.

Тогда рѣшается самъ собою вопросъ о соединеніи рѣкъ Печоры съ Камою, такъ какъ съ постройкой проектируемыхъ водныхъ путей

звигаетъ возможность отправлять по нимъ все грузы съ Печоры въ Каму и обратно по расчищенному пути до Устькулома, а отсюда по существующему водному пути по рѣкамъ Вычегдѣ, Сѣверной Кельтмѣ черезъ забытый, но еще сохранившійся Сѣверный Екатеринбургскій каналъ, по Южной Кельтмѣ и Камѣ до Волги.

Такъ какъ вопросъ о постройкѣ канала-тоннели по соображеніямъ экономическаго характера является въ настоящее время для аренакаго земства непосильнымъ, то нынѣ стоитъ на очереди и ждетъ скорого рѣшенія вопросъ о постройкѣ хорошей грунтовой дороги отъ дер. Половинковъ до д. Порожекой на Камѣ черезъ мѣстность, прилегающую къ рѣкѣ Ухтѣ, хранящую въ нѣдрахъ своихъ неисчислимые богатства, которыя только и ждутъ, когда же, наконецъ, наступитъ тотъ счастливый день, въ который они узрятъ свѣтъ Божій.—

В. А. Бѣлоусовъ-Милорадовичъ.

„Сквозь строй жизни“ К. О. Жакова.

(Петроградъ I—III томъ. Изд. 1912—14 г.).

Автобіографія К. О. Жакова, вышедшая въ 3-хъ томахъ подъ заглавіемъ „Сквозь строй жизни“, представляетъ интересъ не столько со стороны художественной, сколько по оригинальному психологическому матеріалу; для сѣверянъ же она, кромѣ того, имѣетъ свое значеніе, какъ произведеніе человека, вышедшаго изъ нѣдръ сѣвернаго крестьянства. К. О. Жаковъ крестьянинъ—зырянинъ Вологодской губерніи—нынѣ профессоръ, творецъ ряда сказокъ и повѣстей, а также и филологическихъ трудовъ, представляетъ собою, какъ свидѣтельствуемъ его автобіографія, оригинальную фигуру, вышедшую изъ широческой крестьянской массы. Съ перваго взгляда книга-автобіографія могутъ многихъ оттолкнуть: поражаетъ чрезмѣрное обиліе лирическихъ отступленій, мѣшающихъ живому изложенію событій, безконечныя варіаціи однихъ и тѣхъ же мыслей и чувствъ, излишній пафосъ, переизбытокъ слезъ.—все это на счетъ красочности и художественности произведенія, явно претендующаго быть художественнымъ. Но стоитъ глубже задуматься и взглянуть въ содержаніе автобіографіи, и изъ подъ обилія хаотически нагроможденнаго лиризма выступаютъ цѣнный психологическій матеріалъ. К. О. Жаковъ, дѣйствительно, прошелъ „Сквозь строй жизни“, пробилъ твердую стѣну подъ градомъ жизненныхъ неудачъ, отдѣляющую бѣднака-крестьянина отъ человека вышенаго культурнаго уровня. Уже силы К. О. Жакова надорваны въ то время, какъ онъ является творцомъ своей автобіографіи, и это надо имѣть въ виду, чтобы сумѣть выдѣлать цѣнное и объяснить все недостатки: и пафосъ стили и странную манію величія рядомъ съ признаніемъ въ своемъ полномъ безсиліи этой выбитой изъ первобытной среды и все же нѣсколько первобытной натуре.

Довольно вѣрно опредѣляетъ К. О. Жаковъ значеніе своей автобіографіи слѣдующими словами:—„Кто же, скажутъ, нищущій это жизнеописаніе? Вѣдь, только великіе интересуютъ мелочами своей жизни. Да, но я человекъ некультурный и къ вамъ пришелъ, господа, переболѣвъ

всѣмъ, всѣмъ вашими болѣзнями. Неужели не интересно вамъ, что пере-чувствовали свѣжій человѣкъ, появившій въ наше царство? Неужели можъ появление не новость? Видь, это новое сочетание красокъ и звуковъ“. Что потянуло Оеофилакта Гараморта—К. О. Жакова отъ страстно любимой имъ съ дѣтства первобытной жизни въ первобытныхъ лѣсахъ, въ „великій городъ“ и заставило говорить: „Покинутъ я свой эдемъ и бро-сился въ ужасную пучину заботъ и горь“, что оторвало отъ мѣсты, гдѣ „на берегахъ свѣтлыхъ рѣкъ, у прозрачнаго ручья легче дышитъ грудь челоуѣка и мечты его свободнѣе текутъ“ (I ч. 122 стр.). „Изь за звѣзды иду я путешествовать, хочу знать, что тамъ, за этимъ голубымъ небомъ“, говоритъ авторъ въ концѣ первой части своей автобіографіи.—Изь-за страстнаго стремленія къ научнымъ занятіямъ, къ астрономіи и философіи стремится онъ въ городъ. Когда маленькій Оеофилактъ окончилъ сельскую школу, отецъ сказалъ ему: „учиться тебѣ больше не надо, не чиновникомъ, ибъ, тебѣ быть“, и мальчикъ радъ былъ бы согласиться, но случайно вычитанное изъ старой азбуки свѣдѣніе, что до солнца 100 милліоновъ верстъ неустанно мучитъ любознательнаго ребенка, и онъ твердитъ отцу одно: „отпусти меня учиться“ (I ч. 35 стр.).

Если окннуть взглядомъ жизнь Оеофилакта отъ поступленія въ увѣздное городское училище до поздняго окончанія университета, приходится убѣдиться, что она представляла собою нелегкое испытаніе. По окончаніи училища, онъ нобуждаемый самолюбіемъ и любознательностью, онъ поступаетъ въ учительскую семинарію, гдѣ усѣхами въ занятіяхъ добивается стипендіи; но по окончаніи ея губернаторомъ навсегда ли-шенъ права преподавать въ сельской школѣ.—Съ горя Оеофилактъ на-нимается на заводъ чернорабочимъ, отдавая дань первобытному размаху своей натуры, въ надеждѣ научиться: „какъ бы не только правой, но и лѣвой рукой двухпудовую гирию поднять“ (I ч. 25 стр.). Но влече-неніе къ знанію заставляеть его бросить заводъ и подготовиться къ одному изъ послѣднихъ классовъ вологодскаго реальнаго училища, но поступленіи въ которое ему приходится не только учиться, но и зара-батывать уроками себѣ на пропитаніе. Наконецъ, онъ въ лѣсномъ ин-ститутѣ въ Петербургѣ и здѣсь вѣчною жизнью впроголодь навсегда расшатываетъ свое здоровье и лишается первобытной физической силы, которою такъ гордился. Затѣмъ, по кончивъ институтъ, онъ было хочетъ стать священникомъ, нобуждаемый вѣчными духов-ными исканіями, но вскорѣ, однако, неудовлетворенный церковными рамками бросаетъ свою затѣю и снова отиравается въ Вологду, гдѣ и попадаеть изъ-за какихъ-то старыхъ знакомствъ на нѣсколько лѣтъ подъ надзоръ полиціи. Надзоръ столь бдителенъ, что Оеофилактъ, натура по отношенію къ полиціи безусловно пассивная, лишается уроковъ—своего единственнаго заработка, и вѣчно плохо одѣтый, уны-лый, непринесоблещенный къ жизни и все же болѣзненно самолюбивый заслуживаетъ всеобщее мнѣніе о себѣ, какъ о печальномъ чудакѣ. Однако, все то же стремленіе къ знанію освобождаетъ его изъ-подъ гнета вологодской жизни, и наконецъ только къ 35-ти годамъ своей жизни Оеофилактъ заканчиваетъ высшее образованіе, учась сначала въ Кіевскомъ, потомъ Петроградскомъ университетѣ... По къ этому вре-мени силы его надорваны, а огромное самолюбіе навсегда узависло. До крайности угонмешенный „великимъ городомъ“ въ слѣдующихъ сло-вахъ обращаетъ Оеофилактъ къ своему любимому сказочнику Кали-каритто, ища у него утѣшенія: „Твои слова напоминаютъ мнѣ шумъ

росенъ на бѣлыхъ холмахъ, таинственный шепотъ сумрачныхъ слей въ молчаливыхъ ложбинахъ, тихое мерцаніе звѣздъ блѣдно-голубого небеснаго свода, жизнь здоровую, вольную простыхъ людей на сѣверѣ далекомъ. И вспоминаю то время, когда 2-хъ пудовой гирей игралъ, какъ мячикомъ, а теперь насладу хожу по безпріютнымъ улицамъ безчувственно-чудовищнаго города, большой душою и тѣломъ“. Теофилактъ Гарамортъ окончательно поселяется въ Петербургъ, здѣсь онъ издаетъ свои труды, преподаетъ въ цѣломъ рядѣ среднихъ учебныхъ заведеній и наконецъ добивается профессорской кафедры по зырянскому языку, но ничто его не удовлетворяетъ. Онъ самъ жалуется, что культура испортила его характеръ и вотъ, въ силу нетерпимости характера и нежеланія етѣсняться рамками программы, Теофилактъ не уживается въ учебныхъ заведеніяхъ, кромѣ того, ему кажется, что ученый міръ обидѣлъ его въ правахъ, его мучитъ, что философія его не находитъ признанія. 3-я часть автобіографіи К. О. Жакова—силошной стогъ больной, измученной души:—„Мнѣ такъ горько, что грудь моя и спина болятъ у меня отъ печалей—Гарамортъ не имѣетъ пристанища въ мірѣ и не увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ, и по сей поры ни въ какія другія высшія учебныя заведенія не принимаютъ меня, потому что не любятъ меня (III ч. 41 стр.), или: „О, горе, горе и нѣтъ защитника и годы ушли“, или: „моя жизнь есть вѣчное разочарованіе, я, снова разбитый на всѣхъ путяхъ, начинаю сначала“ и т. д. и т. д. Есть большая доля правды въ слѣдующемъ признаніи Гараморта: „Ступилъ я на путь, гдѣ ждали меня великія бѣдствія,—отошелъ я отъ береговъ первобытной жизни и не дошелъ до истинной культуры, всю жизнь плывя по сиротинѣ (I ч. 288 стр.). Все хаотично, сумбурно, полно пафоса, восклицательныхъ знаковъ и жалобъ въ автобіографіи К. О. Жакова, но рядомъ съ рѣзкими горделивыми самовосхваленіями, въ родѣ: „о, книга, моя книга, самая сладкая изъ всѣхъ книгъ міра сего, развѣ кромѣ Донъ Кихота Сервантеса и Арабскихъ сказокъ“ (III ч. стр. 74), встрѣчаются правдивыя и глубокія по своему содержанію мѣста: „не литераторъ, а страдающій человѣкъ, сыгъ лѣсовъ Гарамортъ протягиваетъ къ вамъ руки, культурные народы, и говорить: мы страдаемъ, первобытныя племена, понавини въ вашу среду“ (III ч. 41 стр.). Но было бы неправильно думать, что Теофилактъ Гарамортъ только пытникъ. Какъ на протяженіи всего его повѣствованія о своей жизни, такъ и въ послѣдней части остается нѣчто, что сохраняетъ его душу отъ разрушенія, спасаетъ отъ окончательнаго пессимизма, воссиганнаго въ немъ жизнью, это нѣчто—его глубоко оптимистическое религіозно-философское міросозерцаніе, любовь къ знанію и творчеству, любовь къ родному краю, къ дѣвственной природѣ, къ звѣздному небу. Звѣзды поражаютъ его еще съ ранняго дѣтства, когда онъ перебѣжалъ по ремеслу оца—рѣзника Оалалая изъ деревни въ деревню:—„Холодное небо блистало звѣздами, много ихъ было тамъ въ вышнѣ. По снѣжной дорогѣ, между вѣтвями деревьевъ ѣхали мы: Оалалай, Устинья и я, 4-хъ лѣтній „кага“ . Въ дальнѣйшей жизни, когда побуждаемый жаждой познанія онъ ѣдетъ впервые въ семинарію на лодкѣ съ товарищемъ по уроку Вылегдѣ, звѣзды снова покровительствуютъ ему: „Золотыя звѣзды показались на небѣ и ласково глядѣли на спящихъ мальчиковъ, не знающихъ куда и зачѣмъ они ѣдутъ по великой рѣкѣ. Луна показалась изъ-за дремучаго лѣса и тихо плыла божественная по голубому своду, благословляя юныхъ спящихъ путешественниковъ“ (I ч.

124 стр.). Утомленный днемъ тяжелаго труда на фабрикѣ, Осифиактъ утѣшается созерцаніемъ звѣздъ и въ описаніи звѣзднаго неба доходитъ до поэтично-художественнаго лиризма: „Ахъ, если-бъ крылья имѣть и влетѣть бы туда, за звѣздный песокъ, туда, въ синюю высь, чтобъ звѣзды внизу показались“, и дальше: „И сколько ихъ свѣточей въ голубомъ океанѣ! Яркія звѣзды, чуть замѣтныя, и наконецъ бѣлая шель на темномъ фонѣ! Вожій иконостасъ, вопль тамъ царскія двери за млечнымъ путемъ, надъ ними три звѣзды и посохъ Іакова. На облачныхъ кайросахъ херувимы поютъ. Иногда до ушей нашихъ доходитъ эта небесная музыка“ (I ч. 124 стр.). Со звѣздами жъ и небомъ связываетъ К. О. Жаковъ построеніе своего религіозно-философскаго міросозерцанія: „Такъ возникли мы, звѣзды, изъ первопотенціала, изъ котораго излилось пространство и время, вся свѣтлая горница, цѣль сіяемъ мы во всеъ времена и сроки. И всеъ движемся къ тѣмъ цѣлямъ, которыя поставилъ намъ Источникъ жизни“. (III ч. 20 стр.). Оптимистическое религіозное ученіе Жакова съ его идеей, что все объединено въ Богъ, немного напоминаетъ Спинозу съ его грандіознымъ сознаніемъ Божества, а душу, какъ мыслей Бога, только лишено той механичности, которой проникнута философія Спинозы. Ученіе Жакова отчасти также приближается къ современной теософіи съ ея вѣрою въ постоянное совершенствованіе міра, въ вѣчность духовнаго начала, въ способность духа къ перевоплощеніямъ. „Богъ для К. О. Жакова мудръ и благостенъ; кромѣ того, это гигантская энергія, таящая въ себѣ непостижимый запасъ возможностей, Богъ—Первопотенціалъ, и надъ всеми логиками—прологика потенциала, объединяющая всеъ грани міра (I ч. 103 стр.), или: „Вездѣдательная вселенная передо мной въ игрѣ своихъ лучей“, „но не о вселенной хочу я гдѣть—Она существуетъ въ ней, но не исчерпалась весь. Изъ Ея тенденции къ пространству и времени и къ энергіи возникли электроны. Она же источникъ потенциальной энергіи. Излился Она въ міръ въ разнообразныхъ тенденціяхъ Своихъ“ (II ч. 57 стр.). Богъ для К. О. Жакова не только гигантская энергія и разумъ, но источникъ любви и предметъ безконечнаго живого поклоненія: „Всю жизнь мою о Немъ. Его шцу, къ Нему стремлюсь и живъ и Изъ же Первопотенціалъ, къ Тебѣ несется мысль на крыльяхъ познанія, та мысль, которая отъ Тебя пришла и къ Тебѣ возвращается“ (III ч. 38 стр.). Богъ является для него и предметомъ горячей вѣры: „Она вѣдь живъ и прикоснулся ко мнѣ, и не умереть рѣчь моя, и радость моя, и печаль великая, покой и трепеть“. Свою метафизику К. О. Жаковъ называетъ эволюціонной религіей, и изъясненіе въ краткихъ чертахъ ея сущности уже потому любопытно, что цѣль не только его автобіографіи, но и всеѣхъ остальныхъ произведеній, какъ и всеѣй его жизни—проповѣдь эволюціонной религіи: „Миръ идетъ всеъ къ высшимъ цѣлностямъ, слѣдовательно, первопотенціалъ благъ и прологиченъ. Последнее же положеніе—есть главное въ „эволюціонной религіи“, я же поставилъ свою цѣлью распространять эволюціонную религію“ (III ч. 122 стр.).

Кромѣ проповѣди эволюціонной религіи, К. О. Жаковъ преслѣдуетъ еще одну великую цѣль въ жизни и въ своей автобіографіи— „объединить участь сѣверныхъ братьевъ“. Однако, за переизбыткомъ лиризма бытовая сторона отражена слабо. Есть описаніе путешествія по Печорѣ, среди глухихъ сѣверныхъ лѣсовъ, съ упоминаніемъ о тишечныхъ сѣверныхъ сказочникахъ, колдунахъ, о сохранившихся въ глуши ти-

цахъ старовѣровъ, такъ хорошо описанныхъ у М. Пришвина въ его „Очеркахъ“. Любопытнѣе наблюденія надъ бытомъ ивенскихъ пермяковъ. У нихъ поражаетъ его крайняя бѣдность и забитость населенія и, въ силу этого, полное отсутствіе фантазій въ ихъ средѣ. Ихъ жизнь протекаетъ подъ бдительнымъ надзоромъ эксплуататора дѣвника; ихъ деревня, словно маленький островъ въ океанѣ баронскихъ владѣній—куда нельзя ступить ни за покосомъ, ни за рыбой, ни за грибами, ни за ягодами, ни даже за дѣвниками. И все же ихъ бѣдность дѣвники объясняютъ только дѣвностью: „Работай на заводѣ, у барона заводовъ много“ (II ч. 95 стр.). И было растворенный въ роскошной природѣ мѣстности Оеофилактъ печально, глубоко задумывается: „Что за диво, неужели я такъ наивенъ, что ничего не понимаю, или же жизнь суровая жестокая сказка, не только скучная и однообразная, какъ полагаю я это, живи въ большихъ городахъ“ (II ч. 96 стр.). Изъ бытовыхъ наблюдѣній еще любопытны наблюденія К. О. Жакова надъ жизнью вотинки на сѣверной Камѣ. Здѣсь подъ замкнутостью и недоувѣрчивостью народа вѣра въ языческихъ боговъ сохранилась въ первобытной силѣ и красотѣ. Здѣсь въ глуши на полянахъ, среди дѣвственныхъ дѣсовъ со всѣхъ краевъ собирается народъ и варитъ на кострахъ жертву богамъ въ то время, какъ за деревьями раздѣбтыя дѣвницы водятъ хороводы. Процессъ молебствія Жаковъ описываетъ такъ:—„Два старика вышли впереди всѣхъ въ бѣлыхъ шланиахъ, въ армякахъ и въ лаптихъ и, поклонившись народу, начали моленіе: „Имаръ, богъ небесный, услышь насъ и ты... и ты (перечисленіе боговъ), дай те намъ дождя, тихаго вѣтра, яснаго солнца, урожая рая и полбы и ячменя“ (II ч. 105 стр.). И когда народъ надалъ нищъ, восклицая „Музьемумъ“ (мать земли), Оеофилактъ, дитя сѣверныхъ инородцевъ, еле сдерживая рыданія, надалъ вмѣстѣ съ ними, повторяя это же слово.

Этимъ, приблизительно, исчерпывается матеріалъ автобіографіи К. О. Жакова. Его автобіографія—исповѣдь души, исповѣдь убѣжденій и часто горькая жалоба на современниковъ, не понимающихъ его—„сынъ новъ культуры“.

Несмотря на постоянную критику, которую пришлось выслушивать К. О. Жакову, онъ твердо держится своихъ пріемовъ творчества: „Напрасно говорить мнѣ друзья, чтобы спокойно писалъ я, чтобы создалъ литературное произведеніе, примѣняясь къ вкусамъ современниковъ, и меньше давалъ бы мѣста выпадамъ. Я не могу слушать современниковъ, ибо не знаю, что будетъ цѣнить потомство: литературу или правду“, и дальнѣе: „а вѣдь всякій пишетъ преимущественно для потомства; вопросъ другой, дойдетъ ли наше писаніе до него, и удостоитъ ли оно его своимъ вниманіемъ“ (III ч. 33 стр.). Неоплнится ли забытая мечта неудачника Оеофилакта-Гараморта, защитника дѣвственныхъ дѣсовъ, широкихъ, свѣтлыхъ рѣкъ и первобытныхъ народовъ, признаете ли его научный мѣръ, вспоинитъ ли о немъ потомство,—все это вопросъ не настоящего, но можно вполне присоединиться къ его слѣдующимъ словамъ: „Я долженъ показать первобытнымъ народамъ, что силы много въ ихъ груди, терпѣнія, непечатый уголь—стремленій, это буря“, и дальнѣе: „Мы способны къ наукѣ, къ искусству, ко всему высокому и благородному. Первобытные народы—источникъ жизни грядущей. Есть Богъ, помогающій первобытнымъ народамъ. Онъ поможетъ мнѣ, если не побѣдитъ мѣръ, то не быть побѣжденнымъ“ (III ч. 51 стр.).

А. Повѣдская.

Родственны-ли зыряне японцамъ?

(По поводу поездки г. Жакова въ Японию*).

Въ двареккой книжкѣ „Вѣстника Знанія“ за 1913 г. помѣщена статья проф. Жакова подъ заглавіемъ „Въ Японию“.

Въ этой статьѣ затронуть очень важный съ научной точки зрѣнія вопросъ: родственны-ли зыряне японцамъ?

Уже одна географическая отдаленность зырянскаго края отъ Японіи и исключаютія другъ друга расовыя особенности зырянъ и японцевъ должны бы были, кажется, заставить почтеннаго ученаго отнестись къ данному вопросу съ нѣкоторою серьезностью, но г. Жаковъ не считаетъ, повидимому, нужнымъ „рыться“ въ исторіи и археологіи. Его даже не занимаетъ антропология, онъ, видяте-ли, доволенъ тѣмъ, что подслушалъ нѣсколько японскихъ словъ, сходныхъ съ зырянскими. и на основаніи этихъ болѣе чѣмъ сомнительныхъ доказательствъ рѣшаетъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ.

Впрочемъ, прежде чѣмъ разбирать лингвистическіе доводы автора, позволю себѣ привести нѣкоторыя выдержки изъ его статьи, посвященныя мѣстамъ довольно комической характеръ.

Дѣло начинается во Владивостокѣ. Г. Жаковъ и его товарищъ Костинъ собираются сѣсть на пароходъ, уходящій въ Японию. Но вдругъ г. Жаковъ, именующій себя то Теофилактомъ, то „бѣднымъ Гарамортомъ“, пенуганно восклицаетъ:

— „Какъ, бѣдемъ?!.. Можетъ быть, еще я не поѣду въ такую неизвѣстную страну!“

Что хотѣлъ выразить „бѣдный Гарамортъ“ этимъ восклицаніемъ—понять трудно. Можетъ быть, онъ забылъ о томъ, что Японія уже давно вышла изъ „неизвѣстности“ и сдѣлалась міровою державою, культурное процвѣтаніе которой не подлежитъ сомнѣнію; можетъ быть, онъ просто не придавалъ значенія многочисленнымъ описаніямъ этой страны, изученной въ настоящее время до мельчайшихъ подробностей. Кончилось, однако, тѣмъ, что посадка на пароходъ состоялась, и наши путешественники закачались на „сѣро-зеленой равнинѣ Японскаго моря“.

Черезъ два дня и двѣ ночи передъ глазами г. Жакова показались берега Японіи. Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу:

„Съ великимъ изумленіемъ глядѣлъ я на эти берега безлѣсные, на маленькія постройки вдали, какъ бы игрушки—то былъ городъ Цуруга. Японцы стояли на налубѣ и, глядя на горы, плакали отъ умиленія, и на насъ поглядывали, не плачемъ-ли и мы ..“

„Да, если-бы я зналъ, какъ много дадутъ эти берега, я плакалъ бы отъ восторга и благодарности, но не знаемъ мы своего грядущаго и не знаемъ, гдѣ найдемъ, гдѣ потеряемъ.“...

Послѣ такихъ „умилительныхъ“ и восторженныхъ строкъ уже вполне понятно дальнѣйшее сантиментальное и приподнятое настроеніе автора, который, высадившись съ товарищемъ въ городъ Цуругъ, сразу же опредѣляетъ, что „быстроглазые“ японцы похожи „на нашихъ зырянъ своимъ видомъ, дѣловитостью и быстротою движеній“.

„Я думала также,—пишетъ г. Жаковъ,—что бы означало слово Цуруга? Меня смущало окончаніе „уга“ (угрофинское слово, означав-

* К. Ф. Жаковъ былъ первымъ зырянниномъ, посѣтившимъ Японию; печатаемая статья принадлежитъ перу также зыряннина.

пое рѣку). Послѣ того привели къ намъ трехъ рикши, посадили меня въ одну телѣжку, Костина въ другую, вещи на третью, и три быстроногихъ молодца, рикши изъ Куромайя, понесли насъ, какъ вѣтеръ (!), на станцію. Съ великимъ изумленіемъ смотрѣли мы на узкую улицу Цуруги, на постройку безъ переднихъ стѣнъ, на отсутствіе оконъ, на домашнюю жизнь, которая вся была видна съ улицы“...

Это „великое изумленіе“ не покидаетъ почтеннаго ученаго во все время пребыванія его въ странѣ Восходящаго Солнца. Есть что-то дѣтски-наивное и комическое въ такой, напр., сценкѣ, описанной его собственнымъ перомъ.

Прѣвзжая по желѣзной дорогѣ, онъ вдругъ слышитъ слово „майбара“.

— „Какъ, майбара?—спрашиваетъ г. Жаковъ.

— „Это, говорятъ, станція Майбара.

— „Да, вѣдь, майбара слово зырянское (майбырь—счастливый).

— „Майбара, говорятъ, издревле называется... и меня (т. е. г. Жакова) кондукторъ, какъ сумасшедшаго, за руку опять вводитъ въ вагонъ: Садись, садись, дядя, поѣздъ идетъ, а майбара есть майбара“.

„Мальчишки на станціи надо мною смѣялись,—добавляетъ авторъ и затѣмъ продолжаетъ:

„Между тѣмъ во мнѣ возникала странная идея: неужели японскій языкъ сходенъ съ зырянскимъ, или мнѣ такъ кажется?

„Поѣздъ, однако, не ждалъ моихъ думъ и летѣлъ по направленію къ Токио, попереки острова Ниппона...

„О Японія! Какъ чудесна ты! и сколько мыслей возбудила во мнѣ!

Свѣтло-гористая страна, населенная быстрыми людьми, обработанными каждый клочекъ земли... Неужели ты родственна предкамъ моимъ?..“

Мысль о томъ, что японцы родственны зырянамъ до такой степени увлекаетъ г. Жакова, что онъ, по его собственному выраженію, „начинаетъ сходить съ ума“. Тѣмъ не менѣе онъ и его товарищъ Костинъ благополучно добрались до Токио, „растерянно“ постоявъ на станціи, гдѣ къ нимъ, однако же, скоро „подѣтѣли“ тѣ же „быстроглазые люди“—рикши—и, „какъ вихрь“, понесли ихъ въ гостиницу.

Подобная ѣзда на людяхъ „вихремъ“ можетъ вызвать нѣкоторое сомнѣніе въ своей правдоподобности, но для пылкой фантазіи г. Жакова нѣтъ предѣловъ. Въ гостиницѣ ихъ встрѣтили „человѣкъ маленькаго роста“, окруженный „красивыми японскими дѣвушками“, которыя все кланялись до земли. Г. Жаковъ и его товарищъ „тоже кувыркнулись и стукнулись головой о полъ“ (подлинное его выраженіе), послѣ чего начали объясняться съ японцами, но другъ друга, разумѣется, не понимали...

Большую дозу комизма вноситъ въ рассказъ забота путешественниковъ о своихъ сангахъ, снятыхъ съ нихъ гостепріимными хозяевами и замѣсныхъ саандаями.

Вотъ какъ повѣствуетъ объ этомъ г. Жаковъ:

„... Насъ уложили спать, сверху же прикрыли синимъ шелковымъ пологомъ.

„Мы лежали, какъ подъ колакомъ. Когда все ушло, я и говорю товарищу:

— „Вотъ что, другъ мой, я никогда въ такомъ положеніи не бывалъ. Ты подумай: мы неизвѣстные люди, на неизвѣстной улицѣ, въ невѣдомой гостиницѣ, и, что хуже всего, саногъ нѣтъ на случай бѣгства.

„Мои слова такъ подѣйствовали на моего спутника, что онъ не спалъ всю ночь“.

Тутъ ужъ приходится только развести руками и сказать: о великіе чудакі! Они, кажется, дѣйствительно не знали о томъ, что Японія сдѣлалась культурнымъ государствомъ, что въ ней не рѣжутъ и не грабятъ иностранцевъ, что въ Токио можно чувствовать себя въ такой же безопасности, какъ въ любой европейской столицѣ... Но, впрочемъ, „по балкону всю ночь ходилъ ветхій старикъ безъ одежды съ австралийскимъ лицомъ“, и, благодаря его охранѣ, путешественникамъ бѣжать изъ гостиницы безъ сапогъ не пришлось.

Утромъ г. Жаковъ выслушалъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ отъ принесшей чай „черноглазой дѣвушки съ длинной косой“ и къ своему удивленію, „понялъ ее“.

Когда дѣвушка ушла, онъ сказалъ Костину:

— „Знаешь ли что, я начинаю съума сходить. И значѣтъ было бы намъ прѣзжать въ Токио, съума-то сойти можно было бы и въ Петербургъ.“

— „Почему же ты думаешь, что съума сходишь?“

— „Мнѣ кажется, что японскій языкъ состоитъ изъ зырянскихъ словъ. Они говорятъ имасу—есть, но-зырянски эмъ—есть; у нихъ суу—хлебасть, но-зырянски—сѣйны; одежда но-японски кимоно, у насъ кѣтъ—обувь; огонь у нихъ хи, у зырянъ—би. Утро но-японски аса, но-зырянски—асывъ; облако—кумо, у насъ куморъ; ужинъ—юу-юханъ, но-зырянски—юна-сѣйшы.—Понимаешь, я слышу все время зырянскія слова въ японскомъ языкѣ; а это, вѣроятно, невозможно, значить, я съума сошелъ“.

Такого рода аргументаціи, однако, не сразу убѣдила г. Костина въ родствѣ японцевъ съ зырянами, и онъ, вооружившись „японскимъ самоучителемъ“ Пвана Семузы, началъ спрашивать г. Жакова:

— „Какъ у васъ камень?“

„Итъ.“

— „Но-японски: иси. Какъ птица?“

— „Тури (журавль).“

— „Но-японски: тори. Какъ звѣзды?“

— „Кояэне но-зырянски.“

— „У нихъ: хоси. Рука какъ?“

— „Ки.“

— „Вотъ у нихъ: те.“

— „Но у насъ есть слово: те-нысь, значить рукавица, нашелся г. Жаковъ:—нысь—тепло изъ шубы, те—руки.“

— „Какъ дверь?“

— „Одзесъ.“

— „Ну вотъ, у нихъ иначе, дверь но-японски—то.“

— „У насъ есть то манъ—замокъ при дверяхъ,—не потерялся и тутъ г. Жаковъ и затѣмъ въ видѣ поясненія добавилъ: „Потомъ узнали мы, что манъ—моно (японское)—вещь“.

Тутъ ужъ, повидимому, и у г. Костина голова пошла кругомъ, потому что онъ „бросилъ книгу“ и воскликнулъ:

— „Или мы оба съума сошли, или японскій языкъ, вопреки всякому ожиданію, родствененъ зырянскому!“

Почему именно оба путешественника стали сомнѣваться въ благополучномъ состояніи своихъ умственныхъ способностей, это вопросъ темный и разбираться въ немъ я не буду. Меня, главнымъ образомъ, удивляетъ та легкость и, если можно такъ выразиться, „неууч-

ность" суждений почтеннаго ученаго, съ какою онъ „повѣдать міру“ о сдѣланномъ имъ открытіи.

Начать съ того, что онъ при первомъ взглядѣ на японцевъ опредѣляетъ, что они похожи на зырянъ „своимъ видомъ, дѣловитостью и быстротою движеній“. Тутъ, несомнѣнно, допущено большое преувеличеніе. Можно съ увѣренностью сказать, что „видъ“ зырянъ (рѣчь, конечно, идетъ о вѣншемъ видѣ, о паружности) не имѣетъ ничего общаго съ „видомъ“ японцевъ, типъ которыхъ приближается къ монгольскому: оливковый цвѣтъ кожи, широкое плоское лицо съ мало выдающимся носомъ, низкимъ лбомъ и узкими, косо разрѣзанными глазами. Зыряне же по вѣншности ничѣмъ не отличаются отъ великороссовъ и, следовательно, на японцевъ совершенно не похожи.

Противъ сравненія зырянскаго „дѣловитости“ съ японскою возражать не приходится, потому что зыряне дѣйствительно предпримчивый и, вообще, „дѣловитый“ народъ, шагнувшій далеко впередъ по пути культурнаго развитія, что же касается „быстроты движеній“, то это уже комментать со стороны почтеннаго профессора по адресу земляковъ, которые, наоборотъ, какъ и нѣтъ сѣверяне, любятъ дѣлать все неспешно, неторопливо, по крѣпко и, во всякомъ случаѣ, бѣгать „вихремъ“, подобно японскимъ рикшамъ, не могутъ.

Теперь перейду къ вопросу о сходствѣ зырянскаго языка съ японскимъ. Г. Жаковъ былъ ошеломленъ услышаннымъ словомъ „майбара“, которое почти созвучно съ зырянскимъ словомъ „майбырь“ (счастливый). Но онъ, почему-то, не позаботился узнать, что означаетъ это слово по-японски, а безъ такой справки болѣе чѣмъ рискованно говорить о „сходствѣ“, могущемъ оказаться простымъ, случайнымъ совпаденіемъ.

„Великое изумленіе“ не покидало г. Жакова во время его пребыванія въ странѣ Восходящаго солнца. Я тоже съ „великимъ изумленіемъ“ разсматриваю сравнительный перечень указанныхъ имъ японскихъ и зырянскихъ словъ, якобы сходныхъ между собою по звукамъ и выражаемымъ ими понятіямъ.

Онъ беретъ слово „естъ“, которое по-японски значить „имацу“, а по-зырянски „эмъ“ и находитъ въ этомъ безспорное сходство. Затѣмъ онъ сопоставляетъ японскому слову „суу“, т. е. хлѣбать, зырянское „сѣиши“, которое, тѣмъ не менѣе, переводится совсѣмъ иначе. Я незнакомъ съ японскимъ нарѣчіемъ, но я хорошо знаю зырянскій языкъ и могу сказать, что „хлѣбать“ по-зырянски значить „напавиши“ (отъ слова „пави“—ложка), а „сѣиши“ значить „ѣсть“ (отъ слова „сеишъ“—ѣда). Почему г. Жаковъ смѣшалъ такіа совершенно различныя понятія, это составляетъ его секретъ. Большую оригинальность проявляетъ онъ и при переводѣ слова „одежда“, которое по-японски значить „кимono“, а по-зырянски, какъ онъ объявляетъ, значить „кѣмъ“, т. е. обувь! Тутъ ужъ получается явная беземыслица, совершенно непристѣльная въ устахъ такого ученаго человѣка, какъ г. Жаковъ. Въѣдь, если идти дальше въ этомъ направленіи, то можно, напр., сказать, что „лошадь“ въ переводѣ съ японскаго языка на зырянскій значить „корова“, „собака“ значить „кошка“, „рука“ значить „нога“ и т. д. Положимъ, между одеждой и обувью существуетъ извѣстная связь, ибо то и другое составляютъ часть человѣческаго туалета, но г. Жаковъ приводитъ японское „кимono“ (одежда) и зырянское „кѣмъ“ (обувь), какъ два однозвучныхъ и равнозначущихъ по смыслу слова, что, къ

сожалѣнію, рѣшительно противорѣчить петлѣ. „Одежда“ по-зырянски значить „насыкъмъ“, — при чемъ же тутъ „къмъ“ (обувь)?

Дальнѣйшія сравненія почтеннаго ученаго тоже страдаютъ натяжками и извѣстными передержками. Огонь по-японски .хи*, по-зырянски же—би*, это, по его мнѣнію, несомнѣнное сходство. Японское „тори“ (птица) онъ сравниваетъ съ зырянскимъ „тури“ (журавль), тогда какъ „птица“ въ общемъ смыслѣ называется по-зырянски „пѣтка“, тури же или журавль—одна изъ многочисленныхъ разновидностей птицъ. Такую же вольность допускаетъ онъ по отношенію къ слову „рука“, которое по-японски значить „те“, а по-зырянски—„ки“. Это сомнительное созвучіе увлекаетъ почтеннаго ученаго до такой степени, что онъ, не долго думая, заявляетъ, что есть зырянское слово „те-нась“ (рукавица), въ составъ котораго, якобы, входитъ японское „те“ (рука) и зырянское „нась“ („тепло изъ шубы“, какъ онъ поясняетъ, точно всякое тепло исходитъ изъ шубы). Въ дѣйствительности же рукавица по-зырянски не „тенась“, а „кенысь“, какъ это значится и въ русско-зырянскомъ словарѣ извѣстнаго „зыриолога“ А. А. Цембера, и, слѣдовательно, видѣть въ этомъ словѣ какую-то связь японскаго языка съ зырянскимъ нѣтъ основаній.

Воздерживаюсь отъ перечисленія дальнѣйшихъ „доказательствъ“ г. Жакова, ничего въ сущности не доказывающихъ. Не надо быть большимъ языковѣдомъ-филологомъ, чтобы понять всю шаткость его утвержденій, основанныхъ исключительно на его собственныхъ умозаключеніяхъ. Такой упрощенный методъ „исканія исторической правды“ тоже можетъ вызвать „великое изумленіе“. Курьезнѣе всего тотъ фактъ, что г. Жаковъ совершенно незнакомъ съ японскимъ нарѣчіемъ, что, однако, не мѣшаетъ ему, вооружившись, конечно, „самоучительмъ“, рѣшиться въ положительномъ смыслѣ вопросъ: родственны ли зыряне японцамъ? При иныхъ обстоятельствахъ и не смѣя бы, разумеется, отрицать возможность такого „родства“, ибо природа есть область неограниченныхъ возможностей, а отдаленное прошлое нашихъ предковъ теряется во мракѣ времени, но въ данномъ случаѣ я не могу повѣрить въ существованіе этого „родства“, которое нигдѣмъ не доказано, кромѣ однихъ догадокъ и гипотозъ почтеннаго профессора.

Я полагаю, что г. Жакова ввело въ заблужденіе обиліе въ японскомъ языкѣ односложныхъ словъ (напр., ба—лошадь, ка—одежь, те—рука, хи—огонь, то—дверь и проч.). Въ зырянскомъ нарѣчій тоже много такихъ словъ (би—огонь, ва—вода, ры—волны, ю—рѣка, му—земля, шы—шумъ, ну—дерево и т. д.). Не уступаетъ въ этомъ отношеніи и китайскій языкъ, находящійся, впрочемъ, въ близкомъ родствѣ съ японскимъ. Но это доказываетъ только одно, что японцы и зыряне вмѣстѣ съ китайцами сохранили въ неприкосновенности свой первобытный, древній, такъ сказать, упрощенный языкъ, когда было вполне достаточно нѣсколькихъ односложныхъ звуковъ, чтобы выразить существовавшія тогда понятія. При наличности такихъ условій вполне естественно случайное совпаденіе нѣкоторыхъ словъ, потому что односложные звуки, выражающіе то или другое понятіе, неминуемо должны повторяться въ различныхъ нарѣчійяхъ, возникающихъ и развивающихся независимо другъ отъ друга. Кромѣ того, г. Жаковъ не обратилъ вниманія на одно обстоятельство, имѣющее громадное значеніе при сравнительномъ изученіи разбираемыхъ имъ языковъ. Дѣло въ томъ, что въ японскомъ нарѣчій, какъ и въ большинствѣ другихъ, есть звуки „ф“ и „х“, тогда

какъ эти звуки въ зырянскомъ языкѣ совершенно отсутствуютъ. Изъ этого я рѣшаюсь сдѣлать такой выводъ, что японское и зырянское нарѣчія взаимно не превратимы одно въ другое, и, слѣдовательно, всякая возможность племенного родства зырянъ съ японцами совершенно исключается.

Мы, сѣверяне и, въ частности—зыряне, очень благодарны почтенному профессору за его попытку породнить насъ съ японцами, этими „англичанами Востока“, усѣившими въ какія-нибудь 40 лѣтъ воспринять, усвоить и посадить у себя европейскую культуру и цивилизацію. Но когда намъ не даютъ никакихъ доказательствъ этого родства, а просятъ вѣрить на слово, то мы считаемъ себя вынужденными отказаться отъ подобнаго „родства“, потому что „самозванцами“ сородичами“ ни японцевъ, ни кого другого быть не хотимъ.

Описавъ свое обратное путешествіе изъ Японіи домой, г. Жаковъ заканчиваетъ свою статью такими словами:

„Снова мы были въ Россіи и не печалились (!). Родина мила сердцу человѣка, но свѣтлая Японія спилась намъ долго, снится и дониндѣ... О волшебный свѣтозарный край Востока! Какъ утреннюю зрѣю и сплужу въ лучахъ ея, вспоминаю я тебя. Не успѣлъ еще отдохнуть и въ родимомъ Петербургѣ, какъ снова стремлюсь душой къ японскимъ горамъ, внутрь Китая, къ берегамъ Янтсекианга. Мени влещутъ и красочная жизнь Дальняго Востока, и таинственные его языки, въ звукахъ которыхъ я читаю прошедшее человечества“.

Последняя фраза звучитъ гордо, но не убѣдительно, потому что поѣздка въ „свѣтлую Японію“ привела г. Жакова къ совершенно привратнымъ результатамъ.

„Морть“.

Уходъ и воспитаніе дѣтей у народа

(Первое дѣтство).

Посвящается памяти
Князя Вячеслава Николаевича
Тенишева.

Настоящая монографія принадлежитъ перу б. народнаго учителя и сотрудника Этнографическаго Бюро Князя В. П. Тенишева г-на Дивильковскаго. Представляя собою, въ качествѣ популярной статьи, совершенно законченный и литературно обработанный трудъ, вполне исчерпывающій находившіеся въ распоряженіи г-на Дивильковскаго этнографическіе матеріалы, монографія эта, если не считать нѣкоторыхъ, чисто редакціонныхъ исправленій, не подвергалась съ нашей стороны никакимъ существеннымъ измѣненіямъ.

А. А. Чарушинъ.

Въ первое время послѣ рожденія крестьянскій ребенокъ обыкновенно не пользуется уходомъ матери,-- за нимъ ходитъ бабка-новитуха, свекровь, старшая „сношальница“ и т. д. Онѣ моютъ его и парятъ, даютъ ему въ ротъ „сосульку“, т. е. „чавкашый припекъ или баранки, завязанные въ рѣдкой тряпочкѣ или кисей. Такую пищу ребенокъ получаетъ, пока у матери не появится молоко или пока ребенка не окрестятъ, такъ какъ мѣстами, напр., въ Орловскомъ у., Вятской губ., принято думать, что ребенокъ до крещенія „тогъ-же чертенокъ“, и ему нельзя давать груди. Поэтому, если и позволяютъ матери кормить ребенка, то тотчасъ же его отбираютъ, не давая съ нимъ возиться.

Въ колыбель также не кладутъ ребенка первые 3—5 дней, такъ какъ въ это время онъ еще очень тихъ и „не смыслить“ укутывающа; его кладутъ въ погачъ матери или помѣщаютъ на пелю. укутавъ овчиной. Въ эти дни его часто „скунываютъ“, даже иногда раза по два въ день, что продолжается перѣдко и тогда, когда мать уже встанеть и приметъ младенца въ свое полное заведѣваніе, въ продолженіе одной, двухъ недель. Вообще, въ первое время, пока ребенокъ еще слишкомъ слабъ и его необходимо „отъ дить“, уходъ за нимъ обиааетъ на деревенскую мѣрку, весьма тщательный; его часто переносываютъ, не давая лежать мокрому, безпокоятся при малѣйшемъ его крикѣ, часто осматриваютъ тѣльце, не давитъ ли едѣ, не заирѣли ли складки тѣла, которая въ такомъ случаѣ посыпаютъ картофельной мукой, опилками или мажутъ деревяннымъ масломъ. Главная его пища въ это время молоко матери, хотя считаютъ полезнымъ прикармливать и соскомъ. Съ дня крещенія, когда священникъ впервые наѣзаетъ на младенца рубашечку, костюмъ его состоитъ изъ этой послѣдней, затѣмъ изъ платочка на головѣ или чепчика, который молодыя особенно матери стараются изукрасить понарядѣнн; плютъ его изъ кумача, стегаютъ на ватѣ, убираютъ стеклянными пугожками, бахромой, ленточками. „Убранн, какъ куколка“, — говорятъ сосѣди. Затѣмъ слѣдуютъ пеленки, обязанность которыхъ въ деревнѣ всегда исполняютъ обрывки стараго, изношеннаго бѣлья; сверху ребенокъ покрывается „свивальнымъ“ обыкновенно длинной кромкой домашняго сукна или поясомъ. Послѣ кушанья наѣзается чистое бѣлье.

Какъ только ребенокъ окрещенъ, т. е. становится полноправнымъ членомъ крестьянской семьи, а мать встанеть на ноги, обычнымъ мѣстопребываніемъ его становится колыбель. Послѣдняя, въ зависяности отъ мѣстности и вкуса родителей, бываетъ разнаго вида: но встрѣчаются преимущественно два типа колыбелей: колыбель тяжелая и походная или переносная; различаются онѣ и названіями, хотя часто смѣшиваемыми „зыбка“ и „люлька“. „Зыбка“ представляетъ собою достаточный ящикъ „въ шши“, глубиною въ 1¹/₂—2 четверти, или же овальной формы „коробъ“ изъ липоваго дубка, тонкимъ расщаренною осиновою доской, наконецъ, какъ въ Новгородскомъ губ., корзину, плетеную изъ сосновой лучины или изъ пивика. Дно „зыбки“ дѣлается изъ досокъ или изъ переплетенныхъ тонкихъ перемочекъ или же изъ холста. Изголовье иногда отгораживается дощечкой съ кривкою и тогда оно служитъ для храненія имущества ребенка: соски, розка, сюда же гости при посѣщеніи кладутъ гостинцы — крендель, пряникъ, конфекту. „Люлька“ по большей части состоитъ изъ узкой деревянной рамки „станка“, въ которой подшита холстина, въ видѣ мѣшка, такъ что образуется родъ гнѣздышка, едѣ и помѣщается ребенокъ. „Люлька“ по своей легкости предпочтается особенно во время полевой работы, когда мать забираетъ ребенка съ собою „на шшу“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она по этой же легкости легко терять дѣтей, т. е. опрокидывается, чего съ глубокою зыбкою почти никогда не бываетъ.

На дно колыбели стелется озимая или яровая солома, а сверху ворохъ какого-либо тряпья помягче, овчинка или „перовая“ шеринка. Въ голову ребенку кладется обыкновенно подушечка изъ перьевъ или мѣльче или овечьей, оленьей шерсти. Изрѣдка готовится младенцу стеганое одѣяльце, но чаще укрываютъ его „шубейкой“, т. е. братниной или сестриной уличной одежонкой. Колыбель подвѣшивается съ

помощью веревок или „лучекъ“ изъ дубка, пвовыхъ, черемушныхъ прутьевъ къ такъ наз. „очану“, „очѣну“ или „зыбелыбъ“, т. е. длинному гибкому березовому или еловому шесту, который однимъ концомъ упирается или врубается въ стѣну, а другимъ проходитъ подъ „матку“ (потолочный брусъ) или же пропускается чрезъ желѣзное кольцо. „Очанъ“ служитъ для приведенія колыбели въ вертикальное колебаніе, такъ какъ въ деревѣ не примѣняется качаніе изъ стороны въ сторону; и для бабы, занятой другимъ дѣломъ, онъ очень удобенъ, такъ какъ, благодаря гибкости, долго сохраняетъ свое движеніе.—Для защиты дитяти отъ мухъ, комаровъ, свѣта, вѣтра и „отъ глазу“ веревки или „лучки“ покрываются „положкомъ“, т. е. какимъ-нибудь старымъ материнскимъ платьемъ, сарафаномъ или юбкой, а для качанія мѣстами прикрѣпляется къ колыбели „лямка“ или „подѣвка“, въ видѣ веревочной петли, которую мать или нянька двигаетъ ногою. Въ новыхъ губерніяхъ, какъ Ярославской, если хозяйка еще желаетъ имѣть дѣтей, считается полезнымъ вырубать „очанъ“ изъ чащи, а чтобы ребенокъ спалъ спокойно, во Владимірской, напр., губ. на соломенную его подстилку кладутъ грѣбешъ или веретено. Надъ колыбелью вѣшаются всегда „крестики“ и „брызочки“.

Но мѣрѣ того какъ ребенокъ прииспособляется къ условіямъ своего существованія, а мать втягивается въ круговоротъ домашней работы, младенцу уделяется все меньше и меньше вниманія, и онъ въ сущности растетъ почти брошенный на произволъ судьбы. При условіи вѣчной занятости всѣхъ членовъ семьи къ новому ея члену предъявляется главное требованіе, „чтобы тихъ былъ“, и поэтому всѣ усилія его воспитателей направлены на то, чтобы онъ спалъ и не мѣшалъ работѣ. Два главныхъ средства существуютъ для этого: кормленіе и укачиваніе. Если дити не спитъ, безвокоптея, кричитъ, то всегда предполагаютъ прежде всего, что „оно голодно“, и стараются заткнуть ему ротъ грудью. Грудью кормятъ, не разбирая никакихъ сроковъ, иногда чуть не каждую минуту, до того, что у ребенка дѣлается рвота.—тогда думаютъ, что его сглазили, и опять даютъ ему грудь уже „черезъ гайтанъ“, т. е. черезъ снурокъ отъ шейнаго креста. Если же ребенокъ, наконецъ, не хочетъ брать груди и все кричитъ „безъ унимутъ“, то въ такомъ случаѣ прибѣгаютъ къ соскѣ и рожку. О соскѣ мы уже знаемъ, что она такое, и здѣсь слѣдуетъ только прибавить, что перѣдко она дѣлается изъ какой-либо предно-окрашенной матеріи и что весьма скоро въ ней жеванные баранки, прищипъ замѣняются болѣе грубымъ по покрѣстьянски болѣе здоровымъ содержимымъ, какъ-то: жеваннымъ чершамъ хлѣбомъ, иногда съ солью, который де „кѣрнить“ желудочекъ“, какои-либо кашей—гречневой, манной или просто, наконецъ, мѣшивомъ изъ пшеничной, ржаной муки на молоко, а въ бѣдныхъ семьяхъ и безъ него. Вообще, матери убѣждены, что ихъ молока ребенку совершенно недостаточно, что соска гораздо питательнѣе материнскаго молока, почему и суютъ ее раскричавшемуся „диченку“, никакая его этой вредной для желудка „жевкой“, „жеванной“ или „жавкой“, обернутой въ грязную, перѣдко прокисшую и испортившуюся тряпку. „Плавному“ ребенку перѣдко въ соску подбавляютъ еще отваръ макавыхъ головокъ, прада, усыняющій его, но и отравляющій организмъ ребенка; такую печальную роль исполняетъ водка. Такъ какъ такая соска требуетъ при сосаньи мѣтѣ усилій, чѣмъ грудь, то дѣти часто настолько привыкають къ ней, что безъ нея не могутъ заснуть.

и перѣдко предпочитаютъ ее груди. Поэтому, случается, что ребенокъ 4—5 мѣсяцевъ самъ отказывается отъ груди, и матерямъ ихъ не приходится отнимать.

Другая замѣна материнской груди — „рожокъ“ или „рогъ“. Это или коровій рогъ съ надѣтою предварительно тщательно вымоченною въ соленой водѣ коровьей-же „сиськой“ или „титъкой“, или все болѣе распространяющіяся вышѣ гуттаперчевыя „сиськи“ съ стеклянными нузьярькомъ. Въ рожекъ льютъ коровье молоко, иногда прокисшее, чаще же прямо сырое, при чемъ бѣдяки разбавляютъ его водою; за немѣнѣемъ же молока туда льютъ квасъ и чай; наконецъ, чтобы занять ребенка, даютъ ему сосать и пустой коровій или резиновый сосокъ или для той же цѣли суютъ ему палецъ въ ротъ. Какъ и соска, рожекъ содержится всегда чрезвычайно небрежно, полощется одна разъ въ недѣлю, и молоко въ немъ закисаетъ, покрывая толстымъ створоженнымъ слоемъ стѣнки; однако, въ старое закисшее молоко преспокойно льется новое, и въ рожекъ такимъ образомъ скопляется за недѣлю масса нечистоты. При подобныхъ условіяхъ, не обинуясь, можно сказать, что соска и рожекъ въ деревнѣ служатъ едва ли не главнѣйшимъ источникомъ желудочно-кишечныхъ болѣзней у дѣтей и болѣзней рта, напр., „молочницы“, „цѣвта“, отъ которыхъ при отсутствіи ухода дѣти часто и гибнутъ. Заболѣвшій ребенокъ кричитъ еще больше, тогда, не имѣя возможности „унять“ его соской, стараются укачать.

Качаютъ ребенка не потихоньку, а наоборотъ, какъ можно сильнѣе, такъ что укачиваемый перѣдко подпрыгиваетъ, какъ мячикъ. Заботятся тутъ главнымъ образомъ о томъ, чтобы одурманить ребенка такою тряскою, отчего у него перехватывается дыханіе, и онъ перестаетъ кричать. Перѣдко къ тому же прибавляютъ разные зашугивающіе приемы, напр., сильно стучать объ окно, о лавку рукою или чѣмъ-нибудь. Та же цѣль преслѣдуется и убавкиваниемъ. Зѣвѣвъ съ одной стороны, мать или нянька стараются заглушить „скрипъ“ дитяти своею пѣсней, съ другой, однообразнымъ и заунывнымъ мотивомъ вызвать расположеніе ко сну. Впрочемъ, далеко не всегда укачиваніе сопровождается пѣніемъ, такъ какъ матери некогда: нога ея качаетъ зыбку, а руки исполняютъ хозяйственное дѣло. Иногда отъ „заблутники и пѣсеня на умъ нейдетъ“, и весь припѣвъ состоитъ изъ одного звука: „о-о-о...“, „а-а-а...“ или „ш-ш-ш...“ Тѣмъ не менѣе колыбельная пѣсеня вещь обычная, и репертуаръ такихъ пѣсенъ чрезвычайно богатъ и разнообразенъ въ народѣ, тѣмъ болѣе, что перѣдко мать или нянька импровизируютъ ихъ тутъ же на мѣстѣ. Приведемъ нѣкоторыя наиболѣе распространенныя въ великороссійскихъ губерніяхъ.

Вай, вай, вай,
Поди, бука, подь сарай,
Самѣ спать не мѣшай.
Ужь ты, Сашенька, усни,
Угомонь тебя возьми.

Ой, качи, качи, качи,
Подь подушкой калачи,
Вь ручкахъ прянички,
Вь щечкахъ яблочки,
Ой, лю-лю, лю-лю, лю-лю.

У коты, у воркота
Была мачиха лиха,
Она была коты,
Приговаривала:
Не ходи ты, коты,
По чужимъ дворамъ,
Да по зыбочкамъ.
Приди, коты, почевать,
Приди Ванюшку качать,
Я тебѣ-то, коту,
За работу заплачу:
Дамъ кувшинъ молока
И кусокъ пирога.

Баю, баюшки, баю,
Живеть мужикъ на краю,
Онъ не бѣденъ, не богатъ,
Полна горенка ребятъ.
Всѣ по лавочкамъ сидятъ,
Всѣ въ окошечко глядятъ,
Кашу съ маслицемъ ѣдятъ

Ай, баю, баю, баю,
Не ложись на краю,
Придетъ сѣверный волчокъ,
Тебя схватитъ за бочекъ,
Онъ утащитъ во лѣсокъ,
Ночь ракитовой кустокъ.

Вообще говоря, „котикъ“ и „гули“ играютъ значительную роль въ русской колыбельной пѣснѣ. Кромѣ распространенныхъ, для примѣра возьмемъ еще нѣсколько пѣсенъ, являющихся или образцомъ импровизаціи или свойственныхъ только данной мѣстности.

Въ центральныхъ губерніяхъ, какъ Владимірской, Орловской, Смоленской, поютъ:

Ой, баю, баю, баю,
Гдѣтъ-ли мѣстечка въ раю.

Ой, качу, качу, качу,
На скрипучемъ очену.

Баю, баюшки, баю,
Баю дитятку мою.
Пошелъ котикъ во лѣсокъ.
Нашелъ котикъ поясокъ,
Ко люлечкѣ привязалъ,
Мою Машечку качалъ.

Котикъ, котикъ, котеночекъ,
Приходи къ намъ на денечекъ,

Въ сѣверныхъ губерніяхъ, какъ въ Новгородской и другихъ, поютъ:
Ужъ вы, кошки-коты,
У васъ сѣрые хвосты,
Стали кошки ворковать,
Коты дитю услышать,
Вѣла ланка въ головахъ,
Купня шубка на ногахъ.

Баю, баюшки, байки,
Потерялъ мужикъ портки,
Портки строчиле,
Цевороченье,
Ужъ ихъ дѣвушки строчили,
Гараканы источили.

Зайка хмелю панциналъ,

Баю, баюшки, баю,
Колотушекъ падаю,
Колотушекъ съ нить,
Лучше будетъ Ваня спать.

Люли, люли, люли,
Прилетѣли гули,
Садилсь на люли;
Стали гули ворковать,
Чѣмъ намъ Васеньку питать?
Мы слетаемъ на торжокъ,
Купимъ малому рожокъ,
Станемъ кашку варить,
Молочкомъ его поить.

Намъ по спать, не лежать,
А все Мишеньку качать.
Дадимъ коту ланки (хлѣба) въ ланки,
Сошьемъ коту чеботы
По самымъ животы,
Сошьемъ коту шубку
По самую грудку.

Ходитъ котикъ по лавочкѣ,
Водитъ кошку за лапочки,
Кошка упала, ножку сломала,
Бай, бай, бай,
Твой батька залѣнай,
Машка залѣнаха,
Пянька растренаха.

Во лѣсочекъ побѣжалъ,
Печку сѣвромъ затопилъ,
Да и пива лаварилъ,
Дитю пивомъ напоилъ,
Дитя выспинься,
Да не куражься,
Будешь въ золотѣ ходить,
Будешь серебро носить,
Большой вырастешь,
Певѣсту выберешь.

Уклади тебя Никола
О теперешнюю пору,
Уклади тебя Снасъ
О теперешній часъ.

Въ случаѣ, если ни кормленіе, ни ублаживаніе не могутъ унять раскричавшагося ребенка, матери прибѣгаютъ къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ: идутъ къ захаркѣ или у себя дома примѣняютъ различныя суевѣрныя средства, не думая совершенно, что страданія ребенка часто являющіяся слѣдствіемъ опіеку нечистоты, оирѣостей и пр. По нѣмъ мнѣнію, на него навали „крикеры“ или „крикуны“. Въ это время гитѣнцескія условія содержанія деревенскихъ дѣтей представляются вообще изъ рукъ вонъ плохими. Могутъ нѣмъ уже не каждый день, какъ сначала, а развѣ отъ субботы до субботы, когда сама мать идетъ въ баню и тамъ легонько попарить своего „дитю“. Чего его чаще то мыть, вѣдь онъ не моетитъ, не запачкался“, заливаетъ матери. Точно также мало дѣтей и „перевортываютъ“, т. е. перепеленываютъ. „Неколи съ нимъ возитъся, — тутъ своя работа, да и на барскомъ дворѣ хотя поработать“. Цѣлые дни иногда ребенокъ совсѣмъ не выходитъ изъ колыбели, и хорошо еще, если вынуть мокрая пеленки и поскрѣпить къ печкѣ просушить, а то повернуть другой стороной и только Гривнахъ дѣтей при этомъ тоже не обмываютъ, а лишь оботрутъ немного. „Богъ дастъ живота, и такъ будетъ жить, замѣчаютъ матери, а пошлетъ Богъ смерть, такъ тутъ, какъ его ни обмывай, все равно помретъ“. Часто ребенка заворачиваютъ въ цѣлый ворохъ тряпочъ, одна на другую, и такъ оставляютъ на цѣлый день, чтобы онъ не такъ промокъ и спокойнѣе былъ. При этомъ подостланную солому изъ лѣжки почти никогда не перемѣняютъ, отчего въ ней заводятся черви. При такихъ условіяхъ отъ лѣжки ребенка несетъ обыкновенно ужасная вонь, и только привычное обоняніе деревенскаго жителя можетъ безъ отвращенія выносить атмосферу, стоящую тамъ и застилающую всю избу. Что касается самихъ ребятъ, то разнообразныя кожные слани и доходящія до степени язвъ оирѣости становится нѣмъ обычнымъ утѣломъ, и только, когда вниманіе матери поневоли обращается на такія явленія, она принимается присыпать ребенка „червоточной“ (перошохъ гнилого дерева) или затягивать оирѣости грязною паутиною.

Если въ зимнее время такъ плохо приходится юному крестьянскому поколѣнью, то лѣтомъ положеніе его еще ухудшается. Въ это время вся непосредственная возня съ дѣтьми выпадаетъ на долю старшихъ ребятъ и главнымъ образомъ дѣвочекъ. Последняя отсюда, въ возрастѣ 6—13 лѣтъ, такъ и зовутся въ народѣ „няньками“. Если у крестьянина на родится дочка, то нѣрѣдко можно услышать, какъ онъ утѣшаетъ себя: „пу, хоша своя нянька будетъ, по крайности денегъ не платить чужому человѣку“. И роль няньки выпадаетъ на долю крохотной 6—7 лѣтней малютки, едва видной отъ земли, которая, съ трудомъ и еле передвигая ножками, таскаетъ по улицѣ тяжелата братишку. Конечно, что такая „неступня“ не въ состояніи ухаживать, какъ слѣдуетъ, за ребенкомъ, и весь ея уходъ ограничивается развѣ качаніемъ колыбели почти прилѣвъ „кота-воркота“ да сованіемъ въ ротъ ребенку рожка или соски. Въ періодъ лѣтнихъ работъ, когда мать часто на цѣлый день отлучается изъ дому, подъ приемотромъ такихъ маленькихъ нянекъ и оставляются дѣти. Дѣвченка-нянька только о томъ и заботится, чтобы укачать ребенка, а затѣмъ, заперевъ избу, сама бѣжитъ на улицу поиграть съ подружками. Ребенокъ просынается и, надрынаясь, кричитъ до тѣхъ поръ пока нянька наконецъ не вспомнитъ о немъ и не приметъ опять за качанье. За отсутствіемъ въ семьѣ дѣвочекъ, обязанности няньки съ равнымъ усѣихомъ выполняются и мальчиками. Кроме того, если есть и

семья „бабушка“ или „дѣдушка“, т. е. уже совсѣмъ древніе старики, неспособные ни къ какой другой работѣ, то ребенокъ поступаетъ въ ихъ распоряженіе. Отъ послѣднихъ ему не лучше, такъ какъ стараго человека всегда клонитъ ко сну, и, уложивъ внука, они отправляются спать куда-либо въ укромное мѣсто и совершенно не слышать плача оставленнаго. Если нѣтъ своихъ людей, то въ лѣтнее время занимаютъ чужую няньку—дѣвочку 8—9 лѣтъ, бездомую старуху или просто неспособнаго къ труду калѣку. Нерѣдко нѣсколько матерей сообща занимаютъ одну такую няньку для досмотра за своими ребятами. Но отъ чужихъ нянекъ еще меньше толку, а побосевъ ребенку достается еще больше. Въ зависимости отъ мѣстности няньки платятся руб. 8—12 за дѣто. При всѣхъ такихъ условіяхъ въ лѣтнее время нерѣдки вообще несчастные случаи съ ребятами. Въ одной семьѣ Вологодск. г., напр., нянькой оставленъ былъ слѣпой. Однажды вскричали его на сходку выпить. Поторопившись, онъ для успокоенія ребенка нагрѣлъ одѣяло въ печи, завернулъ имъ ребенка и наказалъ мальчику 6—7 лѣтъ качать его. Отъ прихваченныхъ съ одѣяломъ печныхъ углей загорѣлась векорѣ солома и зыбка. Мальчикъ бросился было тушить и кричать народъ, но когда послѣдній сбѣжался, было уже поздно: оба малютки обгорѣли и померли. Случается и такъ, что мать, не имѣя кого оставить при ребенкѣ, забираетъ его одного въ избѣ на цѣлый день, сунетъ въ ротъ его соску и со словами: „покричить, покричить да и заснетъ, не боюсь живъ будетъ“—уходитъ въ поле. Впрочемъ, чаще всего въ такихъ случаяхъ женщины забираютъ ребенка вмѣстѣ съ „люлькой“ съ собой. Здѣсь въ полѣ болѣе заботливыя матери дѣлаютъ для него нѣчто вроде палатки изъ трехъ связанныхъ наверху шестовъ, покрывая ихъ „полоскомъ“ и подвѣсивая тамъ люльку, иная же просто помѣщаютъ ребенка гдѣ-либо подъ тѣлѣгой или на снопахъ безъ люльки. Мать навѣщаетъ его тутъ отъ времени до времени, чтобы покормить, приглядѣть, однако же, работа не позволяетъ ей часто это дѣлать, и „паренекъ“ или „дѣвченка“ цѣлый день валяются на солнечномъ прирѣкѣ вилоголодѣ, подвергаясь нападенію цѣлыхъ роевъ комаровъ, мошекъ и мухъ. Можно ли удивляться отсюда, что въ лѣтнія жары гибнетъ въ деревнѣ до 17—20% всѣхъ родившихся за годъ ребятъ жертвою заболѣванія желудка и кишечекъ.

Собственно въ непосредственномъ заведѣваніи матери ребенокъ и зимою и лѣтомъ находится лишь по ночамъ. Какъ бы ни сбилась съ ногъ мать „съ устатку“ отъ дневной тяжелой работы, ночью ей приходится возиться съ ребенкомъ самой, и если нападетъ на него „ночница“, то мать нерѣдко „мается“ съ нимъ всю ночь и на утро, не сомкнувъ глазъ, отправляется вновь на работу. Чтобы дать себѣ какой-нибудь отдыхъ, иная мать беретъ „дитенка“ подъ бочекъ, т. е. къ груди, или вѣшаетъ зыбку какъ можно ближе къ постели. Но и тутъ возникаетъ опасеніе какъ-нибудь не „приспать“ ребенка, т. е. печально не задавить его, что считается большимъ грѣхомъ, или не „пролежать“ его, не сбросить печально изъ люльки на полъ, когда онъ „того гляди зашибется“. А все это для умаявшейся матери какъ нельзя легче можетъ случиться, такъ какъ послѣ тяжелой работы въ полѣ она засыпаетъ мертвымъ сномъ.

Таковы условія жизни и обстановки, какія приходится переносить деревенской дѣтвора въ періодъ колыбельнаго возраста. Однако, не слѣдуетъ думать, чтобы въ созданіи этихъ условій выражалось грубое или

безсердечное отношеніе къ дѣтямъ со стороны родителей. Вся причина здѣсь кроется лишь въ отсутствіи досуга старшихъ и въ ихъ невѣжествѣ относительно потребностей и надлежащаго ухода за младенцемъ. Что же касается заботливости о немъ, то таковой въ сущности у родителей вполне достаточно. Это видно уже хотя бы изъ того, что ребенокъ въ народѣ всегда слыветь „андельской душой“, любовь къ нему выражается и въ словахъ и поступкахъ, а также во множествѣ суевѣрій, которымъ часто невозможно избежать даже подыскать основаній. Такъ, напр., считается грѣхомъ цѣловать ребенка въ губы до годичнаго возраста и очень вреднымъ дуть на личико его, иначе онъ „переминется“, т. е. будетъ съ уродливыми вѣками, затѣмъ „казать“, особенно некрещенаго чужимъ, такъ какъ могутъ его „сглазить“ или „озенать“, какъ выражаются въ Ярославской г. Не полагается, по мнѣнію народа, класть младенца спать такъ, чтобы не него падалъ лунный свѣтъ, далѣе—до году стричь ногти, если не хотить, чтобы изъ него вышелъ воръ, и, наконецъ, на очашь „качули“ или колыбели вѣшать пеленки для просушки, иначе ребенокъ не будетъ спать по почамъ. Въ Вологодской г. пустую колыбель не оставляютъ открытой, чтобы не проникъ въ нее „полуденникъ“, „денникъ“ или „зыбочникъ“ и не сталъ бы пугать ребенка, точно также такую колыбель не качаютъ, такъ какъ говорятъ, что отъ этого ребенокъ лишится сна или на него нападуть „криксы“, „починца“, и онъ можетъ заболѣть и умереть. Другіе болѣе опредѣленно поясняютъ, что въ порожнюю люльку домовою кладеть своихъ дѣтей, а то и самъ „нечистый“ качается, „потому онъ всякія шалости любить и ежели видить, что человекъ бездѣлнымъ занимается да пустую люльку качаетъ, онъ и войдетъ въ люльку“. Также точно нельзя кружить пустую колыбель,—голова у ребенка закружится, нельзя шагать черезъ нее, нельзя двоимъ вмѣстѣ качать—двойники будутъ (двойни) и пр. Мать, перѣдко любящая на своего младенца, особенно любить слѣдить на его лицѣ улыбку во снѣ. Въ это время, по ея глубокому убѣжденію, самъ ангель-хранитель „гулитъ“ младенца или же „андельская душенька съ нимъ бесѣдуетъ, на все доброе наставляеть“. Тревожить ребенка въ это время отнюдь нельзя—„андель уйдетъ, а нечистый то андельскія рѣчи и начнетъ разбивать“. Наоборотъ, когда ребенокъ всхлипынаетъ сквозь сонъ или „голосомъ“ плачетъ, это значить, что его „нечистая сила страцаеть“, и тогда нужно почаще благословлять колыбель или же, какъ въ Ярославской губ., сдѣлать изъ соломы, вспырнутой водою, крестикъ и положить подъ изголовье ребенку, тогда „нечистый и перестанетъ смущать“.

Безпокойство матери о ея ребенкѣ выражается также и въ частомъ обращеніи къ лечебнымъ средствамъ противъ дѣйствительныхъ или воображаемыхъ болѣзней. Изъ послѣднихъ слѣдуетъ упомянуть прежде всего „крикунъ“ или „криксы“ и „починцу“, за коковыя принимается всякій неумолчный крикъ младенца отъ какой бы то ни было причины, для матери неизвѣстной. Причиною здѣсь считается болѣзною частью то, что ребенка „сглазили“, т. е. посмотрѣлъ на него „дурной глазъ“. И тогда мать идетъ къ какой-либо старухѣ, осведомленной въ этомъ дѣлѣ. Послѣдняя, осмотрѣвъ ребенка, рѣшаетъ: „одивовали у тебя кор-мильца-то! Вишь онъ у тебя какой хорошенькій, долго-ли сглазить“—принимается умывать его, накапавъ въ воду четверговой свѣчей и прочитавъ „Богородицу“ и „Отче Нашъ“ до трехъ разъ. Въ Пензенской губ. ходять въ этихъ случаяхъ еще „молиться на мѣсяцъ“ утромъ и ве-

черомъ, чтобы онъ „взять себѣ крикъ“, или выходить на три заря, т. е. выносить ребенка по три раза утромъ или вечеромъ во дворъ и кланяться съ бабнымъ вѣшникомъ въ рукахъ зарѣ, упрашивая ее: „заря ты утренняя (или вечерняя), прости Христа ради младенца (такого-то)“. Наконецъ, мѣстами несутъ ребенка въ курятникъ подь нашесть и, глядя на курь, приговариваютъ: „куры, куры, возьмите крикеса младенца (такого то)“. „Ночница“ или „ночникъ“, т. е. бессонница, случается, по мнѣнію крестьянъ, оттого, что не даетъ спать „ночной“. Тогда въ Смоленской, напр., губ. ставятъ подь люльку сковороду, кладутъ на нее три пожа, три вилки, три иголки и говорятъ: „ночница, ночница, на пожи, зарѣжься, на вилки и проткнись, на иглы—проколнись“. Другое болѣе распространенное объясненіе „ночника“, что у ребенка „отъ родимой грязи“ завелась „путьника“ или „щетника“ и не даетъ спать, высывая ночью на спишь. Въ Вологодской губ. тогда некутъ „колобагъ“ на дрожжахъ и даютъ ѣсть ребенку или же натираютъ ему спину квасцами съ разными приговорами. Кромѣ означенныхъ болѣзней, сравнительно легкихъ, матери опасаются для своихъ дѣтей и болѣе серьезныхъ, особенно—„собачьей старости“ или англійской болѣзни. Когда подозрѣваютъ появленіе этой послѣдней, то младенца усердно парятъ въ банѣ, поджариваютъ въ печи, т. е. суютъ его нѣсколько разъ въ теплую печку, привязавъ къ лопатѣ, или же поятъ водою „съ колокольчика“, „камника“, „съ дверной скобы“ и пр. Парить въ банѣ считаютъ полезнымъ мѣстами вмѣстѣ съ собаченкой, чтобы послѣдняя „взяла себѣ“ болѣзнь; съ этою же цѣлью пекутъ изъ ржаной муки калачъ значительныхъ размѣровъ, просовываютъ въ него ребенка и затѣмъ калачъ этотъ бросаютъ на съѣденіе собакамъ. Кромѣ того, въ народѣ признаютъ еще рядъ другихъ воображаемыхъ или дѣйствительныхъ болѣзней у дѣтей, какъ, напр., „путьяную грыжу“, „вихлецъ“, „гнетцу“, „замай“ и т. п. Лѣчатъ отъ нихъ все подобными же суевѣрными средствами. Такъ въ Олонецкой губ., если у ребенка великъ животъ, кладутъ его на мыльцы для льна, сверху слегка прижимаютъ, и мать спрашиваетъ бабу: „кого мнешь?“—„гнетцу“—отвѣчаетъ та.—„Гнети ее большій“—проситъ мать. Въ прежнее время еще „заговаривали восницу“, но теперь осплощиваніе сдѣлало громадные усилѣи, и заговоры повсюду уступили мѣсто прививкамъ, польза которыхъ признается самымъ народомъ. То же можно сказать и относительно недавно введенныхъ дифтеритныхъ прививокъ.

Заботы и ласки матери къ ребенку проявляются вообще всѣми возможными способами. Мать вслѣдствіе старается скрасить жизнь его и развлечь. Такъ, напр., расцеловать ребенка, она поглаживаетъ его вдоль руками, ласково приговаривая: „Потягунушки, вдоль растунюшки, поперекъ толетунюшки, глазкамъ глядунюшки, язычку говорунюшки, ручкамъ держунюшки, ножкамъ ходунюшки!“.—Когда же дитя кое-что уже смыслить, ему агукуютъ и „тетенкаютъ“, т. е. разговариваютъ съ нимъ звукомъ „агу“, и подбираютъ въ рукахъ съ припѣвами вродѣ слѣдующихъ, записанныхъ въ Симбирской губ.

Тунки, тутунки,
Жаровы игрушки,
Где тень—потетень,
Выше города плетень.

Или:

Тотынецъ, тотынецъ,

Ты соломенный дворець,
У тебя шесть овецъ,
Седьмой жеребець,
Старичекъ да бабушка,
Царенекъ да дѣвушка,
Цѣтунюкъ да курочка.

Для забавы ребенка обильничают его ладонью, разными пробирками, кушаньями: пыльными трипочками, маленькими колокольчиками, кусочками мёда, въ которые бьютъ палочкой, чтобы жевало.

По мѣрѣ того, какъ ребенокъ становится старше, понимание его и потребности расширяется. Чтобы забавить „смысленнаго“ ребенка, употребляютъ уже болѣе сложные „притворы“ и „байки“, протѣ общедоступныхъ „ладушекъ“ и „сороки“. Похлывавши обѣими ручками ребенка одна о другую или, такъ при „сорокѣ“, палочникомъ правой руки воли по ладони лѣвой, притворяются:

Цли:

„Ладунки, ладунки,

Гдѣ были?— У бабушки

Что вли?— Кашку.

Что вли?— Бражку.

Кашка мащененькая,

Бражка сладенькая.

Шу-шу! полетѣли, у тручки векныли.

На головку сѣли у нагол.ребенка. А этому не востадося показыва

Ц оить слетѣли.

Для забавы ребенка поютъ много шуточнхъ ивсень, изъ которыхъ для характеристики приведемъ распространенная напр. въ Ча занской губ.:

Цли:

Гори, дрова, жарко.

Вдѣть Макарика

На шесахъ санкахъ.

Санки евокъ-поскокъ.

Объ дубовой мостоки.

Объ хрустальной детоки.

Петрушонокъ въ лобокъ, въ лобокъ.

(стучать пальцемъ ребенку

въ лобъ).

Мишка башонку тошила.

Вонка предочекъ варила.

Но отъ шару вошь узнала.

Съ печки гризлился.

Побѣжали за пономъ.

„Ужъ ты, багшонъ пономъ,

Схорони нашу рабу,

Лежитъ вошь въ гробу.

„Смысленнаго“ ребенка, чтобы увить его крикъ, пугаютъ уже не простыми стукомъ въ окно, а „волкомъ“, „букой“, „дѣломъ“ и пр. „Не плачь, не плачь, убѣжася въ Новгородской губ. мать крикуна.

вотъ, букъ отдамъ, цыганамъ отдамъ, а то сѣлому Платону“. „Платонъ бороду прикусить, тебѣ голову откусить“; или две хоти, Платонъ, не дамъ Мишу, ошь не плачешь; ступай, Платонъ, къ Етору, тамъ есть плаксы, откусывай имъ головы, а Миша у меня хороний“ и т. д. Въ

это время уже даются въ руки ребенку и перья и ручки деревянная ложка, какойнибудь пузырекъ, „снѣжки“ (куски палочки или кнуть.

Роль такого же различенія исполняетъ корка хлѣба, которую ребенокъ въ деревнѣ сосетъ съ самаго маленькаго возраста. Къ такой твердой пищѣ, какъ хлѣбъ, ребенка приучаютъ въ деревнѣ вообще очень рано.

Еще не появивши зубы, а уже начинаютъ его жеванымъ хлѣбомъ, кашей, кормя „изъ рту въ ротъ“ или сѣвъ пальца. Нередко въ полугодичной

возрастѣ ребенокъ жетъ уже рѣшительно все, что и старшье хлѣбъ, квась, картошку, капусту, грибы, лукъ, огурцы и пр. Если добавить къ

этому, что мать ребенка крайне неразборчива въ пищѣ и въ постельн. дни обязательно жетъ постное, то можно судить отсюда, какъ режимъ

этотъ отзывается на желудкѣ ребенка, причиняя постоянно желудочнокишечныя разстройства и заболѣванья, называя неможѣрную надутость

живота, что такъ характерно отличаетъ вообще крестьянскихъ дѣтей. Несмотря, однако, на такую систему питания, матери считаютъ необходимымъ кормить дѣтей своимъ молокомъ какъ можно дольше изъ убѣжденія, что „какъ кормишь ребенка титькой, то не скоро забрюхатѣешь“, и что они „ночью-то у груди спить спокойнѣе“. Нормальнымъ срокомъ кормленія повсюду считается три поста, т. е. 1½—2 года, при чемъ „посты“ идутъ въ счетъ только Великій и Успенскій. Изрѣдка бываютъ случаи, что кормятъ и до 3, до 4 лѣтъ, все въ томъ же расчетѣ избавиться отъ беременности. Если беременность наступаетъ ранѣе, т. е. до встеченія трехъ постовъ, то ребенка „отымаютъ отъ груди“. Кормить четвертый постъ считаютъ грѣхомъ, такъ какъ заставляютъ дѣтей поститься вмѣстѣ съ взрослыми. Иныя ретивыя матери даже и въ періодъ кормленія грудью не даютъ ребенку молока по средамъ и пятницамъ и когда несутъ приобщать.

— Время отнятія отъ груди приходится большею частью „на ягоды“, т. е. когда зрѣютъ ягоды, фрукты, овощи, которыхъ „для угомону“ и даютъ малымъ дѣтямъ безъ ограниченія. Съ цѣлью „отсадить ребенка отъ груди“ мать намазываетъ сосокъ своей груди солью, перцемъ или горчицей и даетъ ребенку; если это не дѣйствуетъ, то мажетъ сосокъ сажей, прячетъ за пазуху цетку или кусокъ мѣха и, показывая ребенку, говоритъ: „титю у мамы бука свѣла; вонъ, какая страшная стала! Смотри, не тронь, а то тебя съестъ“. Мѣстами, какъ въ Орловск. губ., существуетъ цѣлый обрядъ „отсаживания“. Садятъ ребенка за столъ, кладутъ около него краюху хлѣба, посыпаннаго солью, ставятъ кружку воды и потомъ зажигаютъ передъ образами свѣчку и молятся Богу. Помолитвись, мать беретъ ребенка на руки, цѣлуетъ его, передаетъ кому-либо изъ семейныхъ и даетъ ребенку хлѣбъ и воду со словами: „дай тебѣ Богъ часть отъ груди отсать и къ хлѣбушку пристать. Пошли тебѣ Богъ семеро ногъ“, и потомъ она уходитъ дня на три куда-либо къ сосѣдямъ, пока ребенокъ не перестанетъ „тосковать“.

Целенаютъ ребенка точно также возможно дольше, пока самъ не начнетъ отбиваться, т. е., примѣрно, до года, полутора лѣтъ, такъ какъ, по мнѣнію крестьянъ, спеленутый патуго ребенокъ лучше спить. Соску сосеть ребенокъ еще дольше—до 2, даже до 3 лѣтъ, до этого же времени ублаживаютъ его и въ зыбкѣ.

Въ этомъ возрастѣ дѣтей очень часто носятъ въ церковь приобщать, наблюдая при этомъ, кричатъ ли они во время херувимской,—если кричатъ, то будутъ жить, если нѣтъ, то умрутъ. Ребенку „не стригутъ волосъ до году“, хотя бы они были очень длинны и мѣшали ему глядѣть, на томъ основаніи, что „можно отрѣзать языкъ“, т. е. ребенокъ долго не будетъ говорить. И если ребенокъ на самомъ дѣлѣ оказывается таковымъ, то съ цѣлью „развязать языкъ“ даютъ ему пить воду, которою были окачены колокольчикъ или жертвуютъ въ церковь, для которой льютъ колоколь, деньги. Много заботъ вызываетъ также, если ребенокъ долго „не сходитса“, т. е. не начинаетъ ходить. Чтобы помочь ему въ этомъ отношеніи, водятъ его подъ руки, „перерубая“ слѣдомъ за нимъ каждый шагъ его тоноромъ или пожемъ, или же, какъ въ Повгородской губ., „обсѣвая“ этотъ шагъ на полосѣ конопляннмъ сѣрномъ.

Какъ только ребенокъ сталъ на ноги и говоритъ нѣкоторыя слова, уходъ за нимъ еще уменьшается, такъ какъ считаютъ, что теперь уже не надо угадывать его потребности и желанія: „самъ скажетъ“. На

опрятность и чистоту его и тѣмъ болѣе никто не обращаетъ вниманія: лазить ли онъ въ грязи подъ лавкой, копаются ли на дворѣ въ павозы или валяются на сырой землѣ, все равно—лишь бы не голосиль". Пѣрѣлка сунуть ему корку хлѣба въ руку, и онъ цѣлый день такимъ образомъ. если лѣтнее время, проводить у воротъ дома въ одной грязной рубашкѣ, немывытый, нечесанный. Если написать ревѣть и приставать къ матери, то она ему надастъ „пленней“ и этою воспитательною мѣрой ограничивается. Зимой дѣтей одѣваютъ потеплѣе: въ ватную старую кофту матери, въ теплую старую шапку или платокъ и въ шерстяные чулки. Такихъ „мальцовъ“ принято уже сажать во время обѣда за общій столъ.

А. А. Чарушинъ.

Архангельское Общество изученія Русскаго Сѣвера.

Съ 20 по 31 января 1915 года созывается въ Сумскомъ посадѣ, Кемскаго уѣзда, Второй Рыбопромышленный Сѣздъ Поморско-Мурманскаго района. Для выполненія намѣченной программы предстоящей Сѣзду нуждается въ докладчикахъ изъ представителей торговли и промышленности, съ одной стороны, и изъ специалистовъ по различнымъ отраслямъ рыбной промышленности—съ другой.

Признавая за даннымъ Сѣздомъ большое мѣстное значеніе и, кромѣ того, значеніе общегосударственнаго характера, Правленіе имѣетъ честь просить всѣхъ членовъ О-ва, интересующихся намѣченными въ программѣ Сѣзда вопросами, принять участіе въ ихъ обсужденіи, сообщивъ о своемъ намѣреніи участвовать въ Сѣздѣ въ канцелярію Правленія.

Кромѣ того, Правленіе извѣщаетъ членовъ О-ва, что несостоявшееся въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ с. Сорокѣ Совѣщаніе Мурманской желѣзной дорогѣ переносится на первый день Второго Рыбопромышленнаго Сѣзда въ Сумскій посадъ.

Поморскій Отдѣлъ Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера довелъ до свѣдѣнія Правленія, что лицамъ съ недостаточными средствами расходы на проѣздъ въ Суму будутъ Отдѣломъ возмѣщены.

Желѣзнодорожные пути сообщенія.

Мурманская желѣзная дорога. Корреспондентъ Петроградскихъ Вѣдомостей изъ Либавы, между прочимъ, пишетъ, что одной четверти той суммы, какая была израсходована на сооруженіе тамъ военнаго порта было бы достаточно для оборудованія порта въ Александровскѣ и проведенія желѣзной дороги къ нему плыть. Пельзя не согласится съ нимъ, что даже и въ настоящее время мы могли бы, при нѣкоторомъ напряженіи силъ и при содѣйствіи нашихъ инженеровъ, а равно и при дешевомъ обязательномъ трудѣ десятковъ тысячъ плѣнныхъ, построить рельсовый путь отъ Торнео или отъ Юэнеу къ Мурману. Во время войны за освобожденіе Болгаріи мы сумѣли построить очень быстро стальные пути къ берегамъ Дуная, въ Рени и въ Галацъ и изъ Журжева въ Петропавл. Плыть Россія нуждается въ свободномъ морскомъ

сообщеніи съ Англіею и съ Франціею, и такое непрерывное въ теченіе всего года сообщеніе можетъ быть установлено изъ портовъ Мурманна. По сообщенію г-на Врута, для Россіи заказано за границей 8 милліоновъ пудовъ рельсовъ (газета „Вечернее Время“). Не приходилось бы сожалѣть о деньгахъ, уплаченныхъ изъ русской казны за поощреніе иностранныхъ рельсопрокатныхъ заводовъ, если бы эти рельсы пошли на прокладку Мурманской желѣзной дороги. Наша родина нуждается въ безпрерывномъ обмѣнѣ товаровъ по морю. Торговля питаетъ войну. Есть о чемъ подумать и о чемъ позаботиться, не откладывая сооруженія желѣзной дороги на Мурманъ до окончанія войны.

Лѣсное дѣло и охота.

Лѣсной музей въ Омскѣ. Въ паркѣ при лѣсномъ торговомъ питомникѣ Омскаго лѣсничества съ несны текущаго года, какъ сообщаетъ „Омск. Тел.“, устранивается лѣсной музей. Для помѣщенія музея устроено специальное деревянное зданіе съ небольшимъ дендрологическимъ садомъ при немъ. Для основанія музея послужатъ главнымъ образомъ экспонаты лѣсного отдѣла съ первой западно-сибирской выставки 1911 года, тѣ, которые можно было сохранить до настоящаго времени. Кроме того, музей будетъ, по возможности, пополненъ нѣкими видами лѣсныхъ породъ Сибири. Въ расположенномъ около музея дендрологическомъ саду посадка уже начата—здѣсь будутъ собраны и представлены въ живомъ видѣ всѣ лѣсныя породы, присутствіе которыхъ можно наблюдать на всемъ пространствѣ Западной Сибири и въ особенности—Акмолинской и Семипалатинской областяхъ, а также Томской и Тобольской губерній.

Устройство музея и разведеніе дендрологическаго сада въ Омскѣ имѣетъ большое значеніе, въ виду предстоящаго здѣсь открытія сельско-хозяйственнаго института, при которомъ предполагается и лѣсное отдѣленіе.

Судоходство и водные пути сообщенія.

Сѣверный морской путь. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ этого года были закуплены въ Германіи, въ Гамбургѣ, 9 судовъ.

Послѣ покупки судовъ часть ихъ была отправлена непосредственно въ гор. Тромзе, въ Норвегію, гдѣ была назначена сборка нѣкихъ судовъ, направляющихся къ Сибири, а другая—большая въ гор. Пюлскетль, въ Англію, гдѣ они предварительно должны были сдѣлать нужную окраску, ремонтъ, погрузку матеріаловъ и пр. Едва нѣкоторые суда, какъ „Marie“ и лихтеръ „Shalk“, успѣли отправиться изъ-подъ Германіи, какъ была объявлена мобилизація; предполагалось даже, что всей этой флотиліи въ нынѣшнюю навигацію будетъ невозможно пробраться въ Сибирь открытымъ Сѣвернымъ моремъ; по обстоятельству войны скоро настолько измѣнились, что отправка судовъ была рѣшена, и всѣ они, въ числѣ девяти судовъ и пароходовъ министерства, были уже къ половинѣ іюля въ порту Тромзе, готовые пуститься въ далекій путь подъ руководствомъ фирмы Лидъ, которая взялась ихъ доставить къ Сибири. Къ этому времени въ гор.

Тромзе собрался слѣдующія суда, закупленные министерствомъ путей сообщенія: „*Gertrud Hille*“, „*Putney*“, „*Ernest Gunther*“, „*Mara*“ и „*Carl Waller*“ и грузенные разобранными судами министерства лихтера „*Shalk*“ и „*Correspondent*“: ихъ должны были сопровождать два парохода компаніи Лидъ „*Ragna*“ и „*Skub*“, нагруженные разными товарами, предназначенными для Сибири, и въ томъ числѣ, главнымъ образомъ, цементомъ. Послѣднія суда были оборудованы радио телеграфными аппаратами, что было крайне необходимо какъ на случай военныхъ дѣйствій, такъ и на случай затруднительнаго плаванія по водамъ Ледовитаго океана и особенно Карскаго ледянаго моря. 16 (3 августа) все эта флотилія, въ количествѣ 11 судовъ тронулась изъ Тромзе къ Нордкапу и 17 (4), обогнувъ его, вышла курсъ на Новую Землю. Плаваніе Ледовитымъ океаномъ было очень затруднительно, но команда прекрасно выдержала все невзгоды этого морского пути и 23 (10) августа все они благополучно собрался въ бухтѣ Варнека на сѣверной части о. Найгача, гдѣ была назначена первая остановка.

Весь этотъ длинный морской путь флотилія прошла въ 8 сутокъ, несмотря на свирѣпствовавшіе сѣверные вѣтры и штормы, и притомъ не встрѣтила ни одной льдины.

Послѣ денки и отдыха въ бухтѣ Варнека 24 (11) августа суда снова двинулись въ путь, войдя въ Карское море.

Послѣ пропеснихся сѣверныхъ вѣтровъ въ Карскомъ морѣ наступила чудная погода. Море казалось совершенно спокойнымъ; но счастливое плаваніе однако скоро преградили полярные льды, которые встрѣтились флотиліи на параллели 70° и 71° гр. сѣв. широты. Все море было покрыто ими, и ни на сѣверѣ, ни на востокѣ, ни на западѣ не было замѣтно даже признаковъ открытой воды, по которой бы можно было пробраться сѣвернѣе. Пришлось зайти въ эти плавушія безконечныя льдины, а суда одно за другимъ со всею предосторожностью, лавируя между отдѣльными льдинами, отыскивая проливы, пользны, тронулись далѣе къ сѣверу, придерживаясь, насколько было возможно, курса на о. Бѣлаго. Ледъ былъ преимущественно мѣстнаго морского образованія и только изрѣдка попадался глетчерный ледъ, вероятно, съ ледниковъ Новой Земли.

Скорость движенія судовъ часто по цѣлымъ днямъ не превышала скорости 2 миль въ часъ, къ тому же мѣшали при этомъ страшные туманы.

Такъ продолжалось три дня. Къ счастью, погода все время стояла тихая,—не было ни вѣтра, ни бури. Только на параллели Харосонскаго мыса на Ямалѣ они снова увидели открытыя поляны и затѣмъ открытое море, и тронулись въ путь, взявши курсъ немного сѣвернѣе и западнѣе о. Бѣлаго. Ни о. Бѣлаго, ни западнаго берега полуострова Ямала моряки не видали ни сейчасъ, ни быстрого Малыгинскаго пролива, сочли лучшее благодари открытому морю, прошли сѣвернѣе о. Бѣлаго и уже тамъ сдѣлали поворотъ въ сторону р.р. Оби и Енисея.

Изъ торгово-промышленной жизни.

Война и Бѣлое море. Изъ трехъ морей, омывающихъ Европейскую Россію, Балтійское море теперь для насъ закрыто, Черное, повидимому,—наканунѣ закрытія, и остается, такимъ образомъ, только Бѣлое

А море, изъ котораго имѣется свободный выходъ въ океанъ, и открывается пароходное сообщеніе съ Западною Европой. Невольно поэтому мысль наводится на использование во время войны пути черезъ Архангельскъ,—пути, проложеннаго, какъ извѣстно, англичанами еще въ половинѣ XVI вѣка и остававшагося затѣмъ въ теченіе болѣе 150-ти лѣтъ единственнымъ морскимъ путемъ, связывавшимъ тогдашнюю Россію съ западнымъ міромъ. Англичане ввозили къ намъ свои мануфактуры, главнымъ образомъ сукна, а отъ насъ получали мѣха, „рыбій зубъ“ (моржевую кость) и другое сырье. При Петрѣ I, старавшемся направить вышнюю торговлю Россіи черезъ излюбленный имъ „Санктъ-Петербургъ“, сѣверный путь потерялъ свое значеніе, и Архангельскъ обреченъ былъ на уніаданіе. Впоследствии, особенно въ ближайшія къ намъ десятилѣтія, торговое значеніе Архангельска стало нѣсколько подниматься. Кромѣ главнаго предмета отпуски,—лѣса (особенно досокъ),—вывозная торговля кончилась сосредоточилась въ рукахъ иностранныхъ фирмъ, черезъ Архангельскъ вывозится еще мука, овесъ, льняная пряжа, сало и т. д., а привозится преимущественно рыба изъ Норвегіи и кое-какія мануфактурныя издѣлія. На время войны было бы, конечно, желательно усилить здѣсь товарообмѣнъ, особенно ввозъ необходимѣйшихъ для насъ издѣлій, инструментовъ, лѣкарственныхъ средствъ и т. п., и вывозъ хотя бы нѣкоторыхъ, дающихъ большой доходъ, продуктовъ. Понятно поэтому, что въ Петербургѣ, въ совѣтѣ съѣздовъ торговли и промышленности, былъ поднятъ вопросъ о приспособленіи архангельской дороги и архангельскаго порта къ усиленной дѣятельности. Обсужденіемъ того же вопроса занималась и російская экспортная палата, при чемъ, однако, высказаны были многія сомнѣнія, чтобы архангельскій портъ могъ успѣшно выполнить предъявляемыя ему требованія.

Дѣйствительно, значеніе Архангельска, какъ порта, ослабляется тѣмъ, что навигация по Бѣлому морю возможна съ зимнимъ перерывомъ. Неблагопріятными условіями являются также: значительно большая длина пути (напр., изъ Англій), чѣмъ чрезъ Балтійское море; непригодность архангельскаго порта малая провозимость архангельской жел. дороги, какъ извѣстно,—узкоколейной до Вологды. Что касается рѣчного пути по Сѣверной Двинѣ, навигация по которому прекращается большей частью въ октябрѣ, то баръ при входѣ въ рѣку, а затѣмъ многочисленные переборы и мели затрудняютъ плаваніе пароходовъ, хотя въ сентябрѣ вслѣдствіе дождей уровень рѣки стоитъ часто выше межениаго.

Необходимо обсудить возможно скорѣе и основательнѣе, въ какой мѣрѣ можетъ быть использованъ этотъ путь и что онъ можетъ самое большее дать при современномъ положеніи для Россіи. Первымъ условіемъ для достиженія успѣха въ данномъ направленіи является, конечно, наличность предприимчивыхъ и энергичныхъ дѣятелей, которые при необходимой поддержкѣ со стороны правительства могли бы организовать агентуру, заинтересованную соотвѣтственными фирмами у насъ и за границей (въ Англій, Норвегіи и т. д.) и налажить грузовое пароходное движеніе. При этомъ необходимо, конечно, выленить, какіе предметы ввоза и вывоза представлялись бы особенно важными, и насколько могутъ быть приспособлены къ этому торговому движенію наши порты и сухопутныя средства сообщенія. Правительство съ своей стороны могло бы облегчить торговое движеніе упрощеніемъ формальностей и таможенныхъ сборовъ,

возмъ живымъ большимъ принособленіемъ портовъ, перестройкой узкоколейнаго пути въ ширококолейный, поддержаніемъ маяковъ, организаціей лоцманской службы и т. д. Можно было бы поставить также вопросъ, насколько возможно при имѣющихся условіяхъ пользованіе портомъ Александровскомъ, нельзя ли снабдить его возможно скорѣе необходимыми принособленіями для провоза и разгрузки приходящихъ судовъ дружественныхъ и нейтральныхъ державъ, для скорѣйшей очистки товаровъ пошлинами, охраны грузовъ и т. п. Отсутствіе желѣзнодорожнаго пути къ этому крайнему сѣверному нашему порту еще не дѣлаетъ его совершенно отрѣзаннымъ отъ остальной Россіи. Зимой по снѣжному пути возможно сообщеніе на лошадяхъ и оленяхъ; нужно только лучше принособить трактъ, снабдивъ его станціи большимъ количествомъ средствъ передвиженій.

Осуществленіе такихъ сношеній соединено, конечно, съ значительными трудностями и расходами; но если дѣло идетъ о необходимомъ, то передъ трудностями останавливаться нельзя. Въ усиленной эксплуатаціи сѣвернаго пути заинтересована не одна только русская промышленность и торговля, но и иностранная, особенно англійская, и англичане могли бы много помочь намъ въ неиспользованіи этого пути, особенно пользуясь помощью норвежцевъ и нашихъ поморовъ, хорошо знакомыхъ съ условіями плаванія въ Баренцовомъ и Бѣломъ моряхъ.

Московская хлопчатобумажная промышленность и Архангельскъ. Въ обществѣ фабрикантовъ хлопчатобумажной промышленности состоялось особое совѣщаніе, посвященное обсужденію вопроса о положеніи хлопчатобумажной промышленности центрального промышленнаго района въ связи съ объявленіемъ войны.

Заслушано сообщеніе секретаря о предполагаемомъ сокращеніи работъ въ придильно-ткацкой и ситцепечатной промышленности, которое вызывается отливомъ рабочихъ рукъ и отчасти недостаткомъ сырыхъ матеріаловъ, а въ ситцепечатной промышленности — недостаткомъ красильныхъ матеріаловъ.

Рѣшено возбудить вопросъ объ организаціи подвоза иностраннаго хлопка и необходимыхъ красильныхъ матеріаловъ черезъ Архангельскій портъ и по Великому Сибирскому пути.

Торговля черезъ Бѣлое море. Образованная при русско-англійской палатѣ коммисія по организаціи товарообмѣна между Россіей и Англійей подъ предѣлательствомъ члена Государственной Думы С. В. Востротина намѣтила тѣ предварительные вопросы, безъ разрѣшенія которыхъ торговля сношенія черезъ Бѣлое море невозможны. По мнѣнію коммисіи: 1) правительство должно зафиксировать курсъ стоимости рубля и фунтовъ стерлинговъ для предварительныхъ сдѣлокъ, такъ какъ при наибольшей неопредѣленности денежной валюты торговли сдѣлки невозможны; 2) долженъ быть снятъ запретъ вывоза въ дружественныя нейтральныя государства тѣхъ предметовъ, которые безъ вреда для внутренняго рынка и продовольствія арміи могутъ быть допущены къ вывозу. Къ числу такихъ товаровъ, по мнѣнію англійской палаты, относятся скоропортящіеся предметы: масло, яйца, сыръ и лѣсъ. Масла экспортировалось нами на 80 милл. руб. въ годъ изъ Сибири. Въ настоящее время вслѣдствіе отсутствія сбыта этотъ продуктъ совершенно обезцѣненъ. Представляется также цѣлесообразнымъ разрѣшить акснорты

лѣса изъ портовъ. Вѣлаго моря, такъ какъ изъ этихъ мѣстъ онъ не можетъ быть доставленъ на внутреннюю рынку. Затѣмъ можетъ быть въ будущемъ, когда выяснится размѣръ урожая и потребности продовольствія для армій, образуется излишекъ хлѣба, въ особенности пшеницы, который могъ бы быть вывезенъ безъ ущерба. Конечно, должны быть приняты всѣ мѣры, чтобы продукты, вывозимые изъ Россіи, не попадали черезъ нейтральныя государства въ воюющія страны; 3) должно быть разрѣшено установленіе коммерческаго движенія по желѣзнымъ дорогамъ для скоропортящихся продуктовъ и для товаровъ, назначенныхъ къ вывозу; 4) долженъ быть установленъ дешевый вывозной тарифъ на архангельскій портъ; 5) должны быть приняты мѣры къ немедленной перестройкѣ Вологодско-Архангельской линіи изъ узкоколейной въ широкую колею.

Русско-англійская палата подаетъ въ соотвѣтствующее вѣдомство докладную записку съ ходатайствомъ о проведеніи этихъ мѣръ.

Совѣщаніе о нуждахъ лѣсной промышленности и торговли. Закончилъ работы организованнаго при Главномъ Управленіи Землеустройства и Земледѣлія междувѣдомственнаго совѣщанія по вопросамъ, связаннымъ съ устраненіемъ затрудненій нашей лѣсной промышленности и торговли.

Въ совѣщаніи прежде всего установлено, что вывозъ лѣса за границу совершенно прекратился изъ всѣхъ портовъ Балтійскаго моря и по сухопутной границѣ; экспортъ лѣса наблюдается, и то въ незначительномъ количествѣ и болѣе случайно, изъ портовъ Чернаго моря, гдѣ обслуживается почти исключительно иностранными судами. Въ связи съ этимъ, на путяхъ сѣдованія лѣсныхъ грузовъ накопились большіе запасы заготовленныхъ лѣсныхъ матеріаловъ, сбытъ конхъ, вслѣдствіе создавшихся обстоятельствъ, совершенно невозможенъ.

По обезужденіи общихъ условій лѣсной торговли, совѣщаніе пришло къ заключенію, что поддержка въ первую очередь должна быть оказана экспортной торговлѣ, такъ какъ внутренняя лѣсная торговля и промышленность испытываютъ общія, распространяющіяся на всѣ отрасли хозяйственной дѣятельности, затрудненія. Изъ мѣръ, примѣненіе коихъ могло бы облегчить положеніе лѣсоотгонцевъ и лѣсопромышленниковъ, совѣщаніе наметило отсрочку платежей по сдѣлкамъ съ лѣсомъ и отсрочку операций. Предположено наибольшія льготы предоставить лѣсопромышленникамъ сѣвернаго района, въ виду особенной затруднительности для нихъ измѣнить мѣсто назначенія заготовленнаго лѣса. По мнѣнію совѣщанія, слѣдуетъ отсрочить для нихъ платежи денегъ, причитающихся казисъ по сдѣлкамъ съ лѣсомъ съ тѣмъ, чтобы одна треть суммы была уплачена въ концѣ текущаго года, а остальная часть въ августъ 1915 года. Лѣсопромышленникамъ и лѣсоотгонцамъ Прибалтійскаго края и другихъ западныхъ губерній, какъ находящимся равнительно въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ по сбыту заготовленныхъ матеріаловъ, желательна отсрочить уплату первой половины сѣверныхъ суммъ до конца текущаго года, а уплату второй половины до августа 1915 года. Вопросъ о льготахъ для лѣсопромышленниковъ прибалтійскаго района въ совѣщаніи не разсматривался, въ виду происходящей въ настоящее время разработки вопроса объ общемъ мораторіумѣ для Царства Польскаго.

На совѣщаніи лесопромышленники, между прочимъ, поспѣли попросить о кредитѣ подъ дѣловые материалы. Представителями госуд. банка на это было сообщено совѣщанію о разрѣшеніи банкомъ своимъ отдѣльнымъ и контрорамъ производить операціи этого рода. Совѣщаніе съ своей стороны выказало за желательность широкаго развитія кредита подъ дѣловые материалы.

Разныя вѣсти.

Подтвердилъ изслѣдованіи. Министерствомъ народного просвѣщенія предполагается не просить въ законодательномъ порядкѣ 138.000 руб. на организацію полнѣрныхъ аэрологическихъ изслѣдованій въ Россіи путемъ снаряженія двухъ специальныхъ экспедицій, одной на Новую Землю и другой въ Якутскъ и Верхоянскъ, и устройства четырехъ аэрологическихъ станцій при метеорологическихъ учрежденіяхъ въ Александровскѣ, Архангельскѣ, Обдорекѣ и на островѣ Вайгачѣ.

Предложенная экспедиція на Новую Землю имѣетъ цѣлю: 1) производить систематическія опредѣленія температуры, влажности и скорости и направленія вѣтра до высоты 2000 метровъ, устройствомъ подъемовъ метеорографа какъ на змѣяхъ, такъ и на привинтахъ шаряхъ, 2) дѣлать опредѣленія направленія и скорости воздушныхъ теченій до большихъ высотъ въ зимы или, 3) измерить путемъ подъемовъ шаровъ-зондовъ, съ какой высоты начинается инверсія температуры и 4) вести обычные метеорологическія наблюденія, дополненныя записями самоинвудныхъ приборовъ. Экспедиція эта проектируется въ составѣ 6 человекъ (начальника, 2 наблюдателя, 1 механика и 2 рабочихъ) на время от 1 года и 2 мѣсяцевъ. Стоимость экспедиціи выражается въ суммѣ 38.430 р.

Что касается второй экспедиціи въ Якутскъ и Верхоянскъ, то эти мѣстности, при высокой широтѣ по своему крайне континентальному положенію въ сферѣ полнаго зимняго холода представляютъ выдающійся интересъ, въ особенности въ связи съ наблюденіями на Новой Землѣ, Шпицбергенѣ и въ Гренландіи. Одновременно съ устройствомъ временныхъ аэрологическихъ станцій въ области зимняго полюса предполагается усилить аэрологическія наблюденія въ Иркутской обсерваторіи, которая находится въ области зимняго антициклона съ наиболее высокимъ атмосфернымъ давленіемъ, гдѣ такія изслѣдованія также представляютъ особый интересъ. Задачи этой экспедиціи тѣже, что и съ программой, намѣченной для экспедиціи на Новую Землю. Наблюденія въ Якутскѣ предполагается начать съ поля 1915 г. 10 января 1916 г. Въ январѣ экспедиція должна будетъ выехать въ Верхоянскъ для продолженія наблюденій въ теченіе одного года. Такимъ образомъ общая продолжительность экспедицій составитъ 1½ года.

Спеціальная задача аэрологическихъ станцій въ Александровскѣ, Архангельскѣ, Обдорекѣ и на островѣ Вайгачѣ будетъ заключаться въ болѣе подробномъ изученіи въ теченіе 2 лѣтъ воздушныхъ теченій общей циркуляціи атмосферы съ помощью шаровъ-пилотовъ.

† Георгій Яковлевичъ Сѣдовъ.

(Краткая біографія).

Георгій Яковлевичъ Сѣдовъ родился въ 1877 г. въ Донской области на хуторѣ „Кривая коса“, около станицы Новониколаевской, на берегу Азовскаго моря. Населеніе поселка, главнымъ образомъ—казаки, занимается рыбной ловлей; родители Г. Я. Сѣдова также были рыбаки.

До 14 лѣтъ Г. Я. Сѣдовъ былъ неграмотенъ и помогалъ домашнимъ въ рыбномъ промьслѣ. Къ морю Г. Я. Сѣдовъ привыкъ съ ранняго дѣтства. Однажды онъ едва не погибъ: волнами была оторвана и унесена въ море льдина, на которой онъ игралъ съ другими ребятами. Трое сутокъ носило льдину по волнамъ, пока дѣтей не сняло случайное судно. Г. Я. Сѣдову было въ то время 8—10 лѣтъ.

Въ 14 лѣтъ мальчикъ едва добился, чтобы родные отдали его въ приходскую школу. За хорошіе успѣхи мальчикъ скоро былъ освобожденъ отъ всякой платы. Въ 2 года онъ окончилъ 3 класса школы и поступилъ ключникомъ въ имѣніе генерала Пловайскаго. Черезъ 8 мѣсяцевъ юноша бѣжалъ отъ генерала: очень ужъ невесело жилось генеральскому ключнику. На роднѣ Г. Я. Сѣдовъ поступилъ приказникомъ въ лавку помѣщика Фролова. Черезъ годъ молодому приказнику назначили жалованье по 120 руб. въ годъ. Родители были довольны, но юноша томился своимъ положеніемъ и мечталъ о другомъ. Изъ книгъ онъ узналъ, что есть жизнь яркая, интересная, не похожая на скучную жизнь въ станицахъ. И онъ сталъ искать выхода на новую дорогу. Решающую роль сыграли случай.

Однажды для лавки на морскомъ суднѣ была привезена соль. Принимая грузъ, Г. Я. Сѣдовъ разговорился съ капитаномъ и рассказалъ ему о своемъ положеніи и стремленіи къ морю. Отъ капитана онъ узналъ, что есть въ Ростовѣ мореходные классы, гдѣ можно учиться бесплатно.

Юноша сталъ просить стариковъ, чтобы они отпустили его на новую дорогу. Семья была патріархальная, съ прочно сложившимися взглядами. Несмотря на всѣ просьбы, старики были упорны и „родительскаго благословенія“ сыну не давали. Тогда онъ ушелъ изъ дома тайкомъ.

Темной весенней ночью 1895 г., выкрывъ метрическую выписку, 18-лѣтній юноша оставляетъ семью и родной кровъ и идетъ въ Ростовъ.

Здѣсь онъ является къ директору мореходныхъ классовъ и успѣшно держитъ экзаменъ.

Лѣтомъ того же года Г. Я. Сѣдова взяли на свое судно для учебнаго плаванія капитанъ парохода Кошкина „Трудъ“—грекъ Муссура.

Осенью, когда Г. Я. Сѣдовъ оставилъ „Трудъ“ для посѣщенія школы, ему совершенно неожиданно выдали 115 руб.

Такая поддержка обезпечивала первые шаги молодого моряка. На слѣдующій годъ онъ снова плавалъ на „Трудѣ“ и снова заработалъ.

Смѣтливый и работящій молодой человекъ обратилъ на себя вниманіе владѣльца судна, и Кошкинъ сталъ выдавать ему по 15 руб. въ мѣсяць стипендіи.

Черезъ 3 года Г. Я. Сѣдовъ окончилъ школу и получилъ дипломъ штурмана дальняго плаванія. Только тогда онъ написалъ роднымъ, которые уже считали его умершимъ, первое письмо.

Года через полтора Г. И. Сѣдовъ оставилъ службу у Кошкина, пробылъ на Черномъ морѣ и поставилъ на судно „Султанъ“, разосланное керосинъ по Черному и Средиземному морямъ. Генеръ Г. Сѣдовъ зарабатывалъ 30 руб. въ мѣсяць, и товарищи находили, что ему нечего больше и желать.

Но Г. И. Сѣдовъ неудовлетворенъ постарому. Въ 1900 г. онъ бросаетъ мѣсто, ѣдетъ въ Севастополь, поступаетъ во флотъ охотникомъ и черезъ 1 1/2 мѣсяца сдаетъ экзаменъ на прапорщика запаса флота.

На этомъ Сѣдовъ не останавливается и отправляется въ Петроградъ для того, чтобы держать экзаменъ за морскую корнетъ.

Препятствій стояли немалыя. Въ корнетъ могутъ поступать только дворяне, а Г. И. Сѣдовъ былъ мѣщанинъ. Въ концѣ концовъ настоятельность и энергія сдѣлали свое, и Г. И. Сѣдовъ 1 октября 1901 г. сталъ экзамениръ, былъ произведенъ въ поручики.

Такъ мальчикъ-рыбакъ изъ пустяго состоянія вышелъ на новую дорогу. Дальше началась довольно обычная карьера моряка. Г. И. Сѣдовъ поступаетъ на службу въ гидрографическое управленіе, которое скоро его назначило его на судно „Нахтусовъ“, отправленное въ 1903 г. подъ командой капитана Варнекеа въ Сѣверной Ледовитой океанъ для изслѣдованій нужды на востокъ.

Въ 1904 г. по собственному желанію Г. И. Сѣдовъ былъ отправленъ на театръ военныхъ дѣйствій. Тамъ, въ Николаевскъ-на-Амурѣ, онъ командовалъ миноносцемъ „№ 18“ и не разъ бывалъ подъ непріятельскимъ огнемъ.

Въ 1908 г. подъ командой генерала Дрищенки онъ занимался разкопировкой въ Каспійскомъ морѣ, въ 1909 г. былъ назначенъ начальникомъ экспедиціи къ устьямъ р. Колымы, въ 1910 г. онъ командуетъ гидрографической экспедиціей, назначенной на Новую Землю, съ дѣлаемъ изслѣдованія и промѣръ Крестовой губы, въ 1911 г. мы снова видимъ Г. И. Сѣдова на Каспійскомъ морѣ, а въ мартѣ 1912 г. онъ поднимаетъ вопросъ о снаряженіи экспедиціи къ Сѣверному полюсу.

Мысль объ организаціи русской полярной экспедиціи родилась у Г. И. Сѣдова еще въ 1909 г., когда онъ, плавая на „Нахтусовѣ“, встрѣтилъ экспедицію на Сѣверный полюсъ американца Циглера.

На осуществленіе этой мысли Г. И. Сѣдовъ отдалъ свою жизнь.